

05(57)
с34

Годъ 1.

Сентябрь 1912 г.

№ 11-й.

Сибирскій
Архивъ.

Журналь археологiи, исторiи и
этнографiи Сибири.

ИРКУТСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИРКУТСКЪ.

Эд.-тип. Т-ва «М. П. Окуневъ и К°».

1912.

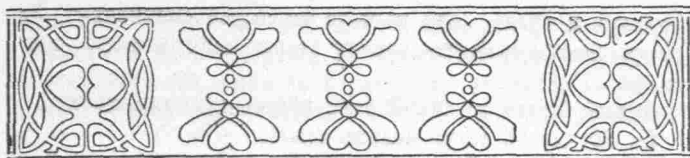
5559927

Редакторъ-издатель *А. Лихковъ.*

ВЪВЕДЕНІЕ
ОБЪЯВЛЕНІЯ

Оглавление №-ра 11.

	Стр ан.
1. Дневникъ Н. П. Витковского	825.
2. Изъ жизни томскаго коммерческаго училища	838.
3. А. Савельевъ. Изъ жизни сибирскаго духо- венства въ первую половину XIX вѣка	849.
4. М. Овчинниковъ. На моей памяти	855.
5. Донесеніе Іер. Сергія	879.
6. Н. Мокѣевъ. Иркутскій Хлестаковъ	886.
7. М. Овчинниковъ. Старинная свадьба въ с. Ры- бинскомъ	888.
8. Забѣты	898.

ДНЕВНИКЪ Н. П. ВИТКОВСКАГО, ВЕДЕННЫЙ ИМЪ ВО
ВРЕМЯ ПОѢЗДКИ ПО Р. АНГАРЬ ВЪ 1882 ГОДУ ДО
УСТЬЯ Р. ТАСЪЕВОЙ.

29 іюня. Вторникъ.

Малолѣтняя, 42 вер. У Гмелина 2. 187. Бутылка воды
30 коп.

Изъ *Распутиной* въ 7 часовъ утра. 750+22. Деревня
эта расположена на расширившейся прибрежной полосѣ; по
сбѣ стороны видны три округленныя возвышенности, со-
вершенно соотвѣтствующія другъ другу; кажется, что эти
остатки бывшихъ цѣпей, прерванныхъ Ангарою.

Распутинцы жалуются: „прежде наша яндинская дача по
Ярму-рѣчкѣ была, а потомъ, значитъ, тѣ Братско-волоостные
прошеніе подали и отрѣзали по Каменной островъ,—отрѣ-
зали что ни есть лучшіе покосы, трава тамъ по гашиникъ
живетъ“. „Тутъ однава былъ землемѣръ, просилъ только
300 рублей. Я,—говорить,—вамъ отведу по Ярму; ну,
такъ почему то не согласились, не дали, а теперь имъ же,
братскимъ, платимъ по 1 рублю за десятину, покупаемъ у
нихъ, а у насъ покосы такіе—10 копенъ на десятину ста-
римъ“.

„Проса не пробовали сѣять, даже что есть не видѣли его,
а вотъ колбу кое-кто начиналъ, родится ладно“.

Деревня *Кузьмина*, а по выговору здѣшнихъ крестьянъ
Пушмина, не велика; тутъ Ангара слилась въ одно плесо;
правый берегъ понижается, лѣвый тоже не очень высокъ;
ыдали виднѣется сонка. Склоны поросли ельникомъ, ли-
ственницей, сосной и березой.

На 5 верстѣ на лѣвомъ берегу утесъ. Пласты падаютъ.
NE, образцы породы взяты. Анер. 749,5+24. Раститель-
ность таежная: *Aconitum*, *Thalictrum*, *Sambucus*, *Cörtusa*,
Dtyopteris, *Rubus ideae*, *Delphinium*, *Pyrola uniflora*
и проч.

Чемерицу зовутъ кукольниковъ, „для скота трава шибко
недобрая“. Змѣй, говорятъ, множество; отъ укушенія есть

заговоръ и трава, „она какъ-то на пырей смахивать“. Заговоръ нельзя сообщать никому старше себя, моложе—можно.

Лѣвый берегъ до самой воды поросъ густымъ лѣсомъ. Съ 10 часовъ опять полилъ дождь.

„Микулай—жалѣзо парень, шибко крѣпокъ на вино“.

„Ну нигдѣ не бывалъ еще, молодъ, батъ, посла и проще едѣлался“.

Въ говорѣ замѣтна уже замѣна звука с звукомъ ш, к—и и наоборотъ, но постоянства нѣтъ, кажется, говорящій не увѣренъ еще, что произносить извѣстный звукъ правильно, колеблется, одно и тоже слово произносить различно, то „скажу“, то „шекажу“. Это граница двухъ говоромъ.

На правомъ берегу видна деревня Подволочная, упоминаемая у Гмелина (2.186), откуда идетъ дорога на Илимскъ; здѣсь правый берегъ значительно выше лѣваго, очень низкаго. Прибрежье кочковатое. Протекаетъ рѣчка Байндай, на которой расположено до десятка мельницъ, за которыя власть взимаетъ съ жителей по 10 к. съ каждой въ годъ; раньше по 3 р. платили. „Мельницы такія мутовочки, принесень это хлѣба пуда два, полтора, на другой день придешь, муку возьмешь, а инова въ добрую воду и мѣшокъ смелешь.“

Отсюда лѣвый берегъ представляетъ правильную террасу, постепенно понижающуюся; на ней расположена дер. Денисова, упомянутая у Гмелина; разстояніе отъ Яндовъ показано „ohngefähr 80 Werst“.

Въ дер. Денисовой стоятъ предъ домами 3 солидныхъ кедра съ шишками. Сегодня здѣсь праздникъ, но „винишко у рѣдкаго есть, сходишь къ сосѣдямъ только пивца попить“. „Шонче (солнце) проглядывать. Внога-же дождя шеня было“. Замѣна м на в.

Если кто самъ разчиститъ сѣнокосное мѣсто, то такое передѣлу никогда не подлежитъ.

Ширина террасы у Денисовой не превышаетъ версты; лѣвый берегъ вообще здѣсь низкій; по пологимъ его склонамъ, среди лѣса, размѣстились пашни. На Ангарѣ острововъ нѣтъ. Слѣва впадаетъ ручей Черемуховый, слѣва—р. Тончара. На правомъ берегу узкая прибрежная полоса служитъ покосомъ, которыхъ здѣсь вообще очень мало. На этомъ-же берегу замѣтны двѣ террасы—одна сажени въ 3, а другая 2.

Экономическими землями называются здѣсь выморочныя земли. Если въ общество поступаютъ выморочныя земли, то

вызываются охотники взять на себя тягло умершаго за причитающіяся за нимъ души и такому охотнику передается по документу его земля на 40 лѣтъ, по истеченіи которыхъ земля дѣлается собственностью общества и подлежит передачу.

Если приходитъ поселенецъ и желаетъ заняться земледѣліемъ, то общество арендуетъ у своихъ-же зажиточныхъ односельчанъ десятину земли и передаетъ ее поселенцу, обязавъ его платить извѣстную, меньше крестьянской, подать; землей этой поселенецъ имѣетъ право пользоваться

3 года и долженъ въ это время разработать свою, ибо по истеченіи этого срока земля отъ него отбирается и передается ей владѣльцу. По рассказамъ, очень рѣдкій поселенецъ берется за хозяйство. „Не сродно имъ здѣсь, придетъ, въ одномъ домѣ переночуетъ, идетъ въ другой, потомъ въ третій, а когда обойдетъ всѣ, убирается куда-нибудь“.

„Паромомъ“ называется здѣсь небольшой досчанникъ съ плоскимъ дномъ и тупо-усѣченной кормой; служить эта „посудина“ для перевозки лошадей на острова, „безъ паромовъ плохо плавать, инова подшучивать, тонуть; раньше паромовъ этихъ не знали, а теперь, почитай, всякъ на нихъ“.

Неподалеку отъ Каменныхъ острововъ впадаетъ въ Ангару слѣва р. Тунгузка, по преданію, здѣсь раньше жили тунгусы: „нахаживали задѣзные ножицки и кибирь“. Каменные о—ва упомянуты у Гмелина В. З. 78. О надписяхъ на нихъ онъ не говоритъ.

Первый Каменный островъ начинается довольно широкимъ лугомъ, на которомъ встрѣчаются озерки и кочки, а затѣмъ посрединѣ его (по бокамъ тоже луговья пространства) потянулася высокая стѣна изъ сѣраго песчаника, ясно-слопстаго; слои почти горизонтальны и представляютъ не мало разнообразія въ строеніи: то конгломератъ, то крѣпкій съ трудомъ разбиваемый слой, то свѣтлый, рыхлый, легко растираемый въ рукахъ, то глинистыя конкреціи съ сферическою отдѣльностью, то песчано-глинистый сланецъ. Вслѣдствіе такого разнообразія строенія, и степень разрушенія различна: то крѣпкій темноватый слой виситъ грандіознымъ карнизомъ, образуя значительный свѣсъ, то рыхлый свѣтло-сѣрый высыпался и образовалъ глубокія впадины, то изыстый принялъ странный видъ мягкаго ила послѣ сильнаго дождя. Кругомъ много обваловъ и осыпей, поросшихъ густой травой и кустарникомъ. Растительность пышная, всѣ растенія которыя на лугу не превосходятъ $\frac{1}{4}$ арш., здѣсь выше аршина. На висячихъ карнизахъ мно-

го гнѣздъ бѣлыхъ чаекъ, а подъ ними безчисленное множество гнѣздъ ласточекъ. Образцы породъ взяты.

Пещеръ нигдѣ не оказалось. Этотъ островъ имѣетъ въ длину около 5 верстъ; нижняя часть его покрыта густымъ сосновымъ лѣсомъ и постепенно понижается.

На правомъ берегу видѣется дер. Егоровская—последняя Ядинской волости и Балаганскаго округа. При ней плохое обнаженіе того-же сѣраго песчаника. Здѣсь встрѣтился карбазъ, плившій изъ Братска въ Усть-Уду; такъ какъ тотъ, на которомъ я приплылъ принадлежалъ частному лицу, то сопровождавшій меня кандидатъ рѣшилъ переимѣнить его на волостной. Анер. 752,5+24.

Правый берегъ выдвигается опять низменнымъ мысомъ, за которымъ видѣется возвышенность; склоны покрыты мелкимъ соснякомъ и лиственницею. На луговыхъ частяхъ острововъ—береза.

Разговоръ моихъ пяти ямщиковъ трудно понять; каждый изъ нихъ на свой ладъ замѣняетъ одинъ звукъ другимъ и безъ всякой послѣдовательности. „Ешли жашѣдатель поѣдетъ, мы повстрѣцаемся съ нимъ.—Коли не скалямата въ Громахъ, такъ вѣрно повстрѣцаемся.—Я ницаво не жнаю.—Ишь, на соснѣ каки шишеции“.

Съ праваго берега при концѣ 1-го Каменнаго острова видѣнъ уже 2-й Каменный островъ и показался лѣвый невысокій берегъ. Впадаетъ ручей Каменный.

2-й Каменный островъ начинается тоже лугомъ, но лугъ этотъ значительно уже, а затѣмъ начинается отвѣсная стѣна сѣраго песчаника, сажень въ 10—15 вышиною и длиною болѣе $\frac{1}{2}$ версты; массивъ этотъ напоминаетъ громадный домъ съ покатою на обѣ стороны, слегка округленною крышею, поверхность которой покрыта сосновымъ лѣсомъ. На западной и юго-западной сторонѣ этого утеса находится много, плохо сохранившихся изображеній—„выбыгали, чтоли“. Между фигурами можно отличить: медвѣдя, лошадь, оленя, рыбу или нерпу и только на одной унавшей уже плитѣ есть изображеніе какъ-бы челоуѣкъ съ длинными ушами, илищущаго предъ какой-то четырехугольной фигурой. Нѣкоторые изъ фигуръ обозначены сплошной неглубокой выемкой, у другихъ контуры обозначены узенькой бороздкою; группы изображены какъ-бы восходящими на гору.

На вершинѣ 3 Камен. о-ва, покрытой толстыми березами и соснами, Анер. 751,0+25, у воды 752,0+27. Изголовье подмыто и образуетъ обширный навѣсъ, который въ настоящее время служить убѣжищемъ для сѣнокосцевъ, а когда-то, вѣ-

роятно, быть жилищем тѣхъ обитателей, которые оставили свои изображения на 2 о—вѣ. Есть подобный-же, нѣсколько меньшій, навѣсъ и на 2 о—вѣ, служащій теперь отхожимъ мѣстомъ. Очень быть можетъ, что подъ этими навѣсами можно-бы найти много интересныхъ остатковъ древности, но для этого нужно прибыть сюда специально. Такое-же посещение, какъ мое, позволяетъ только записать свое имя на утесѣ, рядомъ съ именами Аминова, Сиденсера и др.

На карнизахъ 3-го о—ва несмѣтное количество ласточьихъ гнѣздъ; у основанія утеса трава въ ростъ человѣка; множество *Lilium spectab.*; утесъ изъ того же сѣраго песчаника.

Правый берегъ продолжаетъ быть низкимъ; по мнѣнiю ямщиковъ, здѣсь хорошее мѣсто для поселенія и земля „добрая для хлѣба“.

При изголовьи 3 острова въ Ангару впадаетъ рч. Ярма, „весною рыбу въ ней промыслямъ, заходитъ много“.

Далѣе слѣдуетъ островъ Еловый, густо поросшій ельникомъ; противъ него справа впадаетъ рѣчка Карма.

Скоро оба берега являются низменными. На лѣвомъ тождь видѣются пашни; впадаетъ р. Кочегара.

Отъ мошекъ „звонъ стоитъ“, какъ подъ телеграфной проволокой.

Деревня Малолѣтняя, въ которую пришли вечеромъ, расположена на правомъ берегу рѣки Верхней Баянъ. Ночлегъ на карбазѣ.

Скотъ выгоняютъ на пастбище вечеромъ. Говорятъ: „мѣсто здѣсь спокойное, отъ звѣря милосливо, снова только волкъ бѣгать“. Въ деревнѣ есть церковь, но попъ „набздной“.

30 июня.

Утромъ сильный туманъ. Отчалили въ 6 часовъ. Очень много острововъ, легко сбиться съ пути. Жители имѣютъ свой особый отпечатокъ: длинноносые, высокаго роста, блорода и усы стриженные; одежда тоже нѣсколько иная: короткая до колѣнъ поддевка изъ самодѣльщины—основа конопляная, утокъ—2 нитки конопляныхъ, а 3-я шерстяная черная, штаны холщевые, обуви самодѣльные. Въ говорѣ замѣна звука *ч* звукомъ *ц*, но безъ строгой послѣдовательности: „Заворачивай въ рѣчку, да прихвати бицевой“.

Справа впадаетъ р. Ср. Баянъ, при которой помѣстилась дер. того-же имени. По склонамъ видны пашни. Кругомъ тайга дремучая, острова поросли ельникомъ. „Гусь да жу-

равли несутся здѣсь“, жалуются на недостатокъ сѣнокосовъ и пастбищъ. „Мошка, комарь да паутъ одолѣвають“. Здѣсь въ каждой деревнѣ кожи выдѣлываютъ сами: „смажешь это ес“ болтушкой изъ муки, потомъ посыплешь дубомъ изъ березы или ольхи, которая растеть здѣсь и достигаетъ 3-вершков. толщины, или листовичнымъ; полежить она въ кемъ день 15; потомъ доспѣты у насъ мялки, мнешь это ес, тянешь, вымажешь дегтемъ и доспѣшь“. „Шить обутики—портные ходять. Овчины тожь не всякъ самъ умѣеть дѣлать, больше панникамъ, но дымятъ ихъ у насъ какъ-то плохо—моера боятса“.

Пашни на второй рядъ начинаютъ пахать здѣсь послѣ Петрова дни.

На островѣ Длинномъ собиравъ растенія, все растеть здѣсь роскошно, размѣры баснословныя. Чаше другихъ встрѣчаются: *Vicia* sp., 3 вида *Delphinium*, нѣсколько зонтичныхъ, злаковъ, крестоцвѣтныхъ, 2- в. осеки, ольха, рябина, ель, береза, осина, ивнякъ. Чаща непроходимая и то на горѣломъ мѣстѣ.

На лѣвомъ берегу тайга непроглядная, породы деревьевъ тѣ-же, что и на острову.

Горы вообще очень невысоки. Далѣе слѣдуетъ луговой островъ. Рѣка очень быстра, карбазъ мчтса, какъ птица. На правомъ берегу деревушка изъ 4 домовъ—Нижній Баянъ при р. тѣго-же имени.

Съ правой стороны впадаетъ рѣчка Малая Тунгуска, далѣе Большая Тунгуска, тутъ-же и о-въ Тунгусскій. Большая Тунгуска течеть въ глубокой пади, густо поросшей ельникомъ и березой; она беретъ начало далеко, „таежная рѣчка“; по ней много „плашекъ и ямъ звѣриныхъ“. „Въ одну лони упаль заблудящій конь, хозяинъ 65 р. заплатилъ“.

„Засѣдатель понижній не знамъ, какъ ѣздить, а прежній, оборони Богъ, жагоняль лошадей“.

Слѣва ручей Тинный въ глубокой, по узкой пади, заросшей ельникомъ. „Какуетъ какушка“, кричить удодъ.

По лѣвому берегу потянулся густой мрачный ельникъ. На всемъ протяженіи нѣтъ ни одного обнаженія. Направление NE Авр. 751,5+27.

Деревня *Парилова* расположена на прав. берегу рѣки противъ о—ва Бараульнаго; въ ней протекаетъ рч. Дымчера. Берегъ здѣсь невысокъ; на пологихъ склонахъ между соснякомъ видны доскутки пашень. Деревня веселится, гуляеть—пьютъ водку, ревутъ пѣсни. На пашняхъ почва красноватая. „Снесло у нихъ всю добрую землю“,—замѣчаетъ

ямщикъ. Ребятишки косятъ по островамъ траву и плавягъ въ деревню для скота—мошка „не выпускать со двора“. У деревни весь берегъ покрытъ стружками изъ осины. Такой толстый осинникъ добываютъ въ тайгѣ, верстахъ въ 20-ти. Въ рѣчущкѣ мокнуть шкуры для выдѣлки. „Никакой рыбы добыть не можемъ, ни сътъю, ни другимъ ловушкамъ“. „Хлѣбцы по низу хорошо идутъ, какъ верхомъ Богъ скрасить“,—отвѣчаетъ каждый на вопросъ объ урожаѣ.

Въ 3 вер. далѣе дер. Федорова; за ней потянулись пашни почти до вершинъ склоновъ.

Рабочій въ сѣнокосѣ стоитъ здѣсь на готовыхъ харчахъ 20 коп. въ день, или 5 р. въ мѣсяцъ, или поставъ 100 копень за 6 р. на своихъ харчахъ.

„Осенью идемъ на промыселъ, бѣлку добываемъ, плашечки настороживамъ оленкомъ и тоже сноровку надо имѣть, сѣннить осторожно да и настораживать. Курить табакъ при этомъ нельзя; руки надо вымыть, духъ шибко знать эта самая бѣлка. На соболя бѣличьимъ мясомъ сторожимъ; соболю только и живеть на лѣвомъ берегу, на правомъ его нѣтъ; собака тоже бѣлкой кормимъ“.

Близъ дер. Федоровой Ангара слилась въ одно плесо.

Veronica incana называется смолянкой; „инова пьемъ замѣсть чаю, только заморить надо“. *Sanguisorba offic.*—козельникъ.

Правый берегъ очень высокъ; склоны покрыты мелкимъ соснякомъ, сгорѣвшимъ во многихъ мѣстахъ; кое-гдѣ виднѣются выступы сѣраго песчаника.

На лѣвомъ бер. дер. *Бальская* при р. Бали; за ней утесъ изъ сѣраго песчаника, сильно разрушеннаго; вездѣ осыпи; во многихъ мѣстахъ вышали бока и висящіе карнизы грозятъ обрушиться. У подошвы утеса Анер. 749,5+29. Вышина утеса около 15 саж.; за нимъ видна падь, идущая параллельно рѣкѣ. Слои песчаника почти горизонтальны. На правомъ берегу видны тоже небольшіе утесики. Деревня „править Петровки“.

Деревня Громы расположена по обѣ стороны рч. Громы, ширинною не болѣе сажени, но довольно быстрой. На берегу кучи стружковъ, въ рѣкѣ купается множество ребятишекъ; народъ „нарядный“, „гулять“, слышны пѣсни. Церковь.

Въ виду деревни большой островъ, на которомъ устроено много разныхъ хлѣвушекъ, напоминающихъ юрты бурятъ; сколо нихъ собрался табунъ коровъ, лошадей, овецъ. Парни одѣты преимущественно въ бѣлыя ситцевыя рубахи, съ

воротомъ прямымъ; кушачекъ позументный, фуражку замѣняетъ сѣтка съ краснымъ или синимъ сѣточникомъ.

Оба берега понижаются; лѣвый по долину рѣки на большомъ протяженіи почти неизменный, поросъ елью, сосной и березой. Съ лѣвой стороны впадаетъ ручей Закипной.

На правомъ берегу видны двѣ деревушки Шумилихи, берегъ этотъ покрытъ здѣсь густымъ лѣсомъ.

Слѣва ручей Ванькинъ, къ которому видны пашни и заимки. „Пашни у насъ сзади за утесомъ, тутъ камень быдто мысомъ вышелъ, а за нимъ логъ палъ, тамъ у насъ и елань; пашни-то ладны, да для скотины мѣста мало, сѣнокосовъ тоже нѣтъ“.

Вездѣ и всѣ спрашиваютъ, скоро-ли будетъ ревизія—это единственный общій вопросъ. „Хлѣба хороши, Кобылка была весною, но „вреды“ мало сдѣлала“.

Долина расширилась; по обѣ стороны рѣки—елани, но надродившіяся, повидимому, не очень давно: вездѣ по нимъ торчатъ засохшія листовницы. Почва буроватаго цвѣта, плодородная.

На правомъ берегу дер. Н. Суворова расположилась на краю обширной елани. На лѣвомъ—ручей Медвѣжій, поросшій ельникомъ.

Въ деревнѣ много пьяныхъ, ревутъ, дерутся. При смѣнѣ ямщиковъ много было споровъ и шуму; одинъ старикъ началъ было даже допрашивать, кто я такой и т. д. Дали б ямщиковъ, лодка пошла весело.

По окрестнымъ деревнямъ сѣютъ „озимую и яровую рожь, овешъ, ячмень, пшеницу, мало-мало грѣхуи; гороха не сѣютъ, какъ-то охоты нѣтъ, родится-то онъ хорошо, да не сѣемъ; озими годомъ родятся, нонѣ подопрѣли“.—„Шѣновъ у насъ мало, всего одинъ опшроеокъ; люди шемейные тѣ расчитали себѣ мѣшта, а одинокому плохо“.—„Въ старые годы богачи захватили себѣ по рѣчкамъ мѣста да и кѣсятъ изъ рода въ родъ; пора-бы уже такіе покосы и дѣлить, мы хлопотали, да волостные все какъ-то, знашь, большая рука много можетъ“.

Здѣсь лѣсъ зовутъ не тайгой, а дубровой. Въ говорѣ не слышно бурятской пѣтонаціи. У большинства ямщиковъ замѣчательно мало разстояніе между носомъ и ртомъ; усы и борода стригутся, оставляются только бакены.

Долина очень расширилась; Ангара разбилаь на множество протоковъ, омывающихъ многочисленныя острова. На одномъ изъ острововъ расположена дер. Мока, имѣющая здѣсь свои пашни и сѣнокосы и особый островъ для выгона.

„Имъ тамъ шибко привольно жить“. Большинство острововъ поросло мрачнымъ пирамидальнымъ ельникомъ.

„Дѣшу то у насъ много, мошки тежъ, жимой морожъ“.

„Давай прямо на мышъ, куда дерзинъ“!

Мрачный островъ Наратай тянется верстъ на 10. Вправо показываются елани Б.-Намырскихъ крестьянъ, расположенныя на очень пологомъ склонѣ; тутъ-же по берегу протянулась и деревня; терраса обнаруживаетъ желтоватый наносъ, весь край ея изрѣзанъ маленькими овражками, расположенными такъ правильно, что невольно видишь въ атомъ дѣло рукъ человѣка.

Почлезь въ карбазѣ. У мѣстнаго писаря досталъ молока, довольно опратно приготовленнаго—творогъ со сметаной. Человѣкъ онъ еще не старый, штерецъ, но окончательно потерялъ вѣру въ возможность какой-либо иной жизни—забота о насущномъ кускѣ хлѣба и только.

По рассказамъ, года три тому назадъ здѣсь было очень много рябчиковъ, теперь—рѣдкѣ встрѣтишь. Причина, говорятъ, бывшая въ 3-мъ году очень холодная малоснѣжная зима; тогда въ лѣсу находили много замерзшихъ рябчиковъ. Говорятъ также, что лѣтъ девять тому на правую сторону рѣки летѣло очень много „курпатки“ и что крестьяне видѣли ее тогда въ первый и въ послѣдній разъ и били въ большомъ количествѣ; съ тѣхъ поръ никто не видалъ.

Въ деревнѣ ночью по поводу Петрова дня—его здѣсь празднуютъ нѣсколько дней—ругань, драка, какой-то поселенецъ пушить крестьянъ, похваляется, что онъ носилъ уже одинъ разъ кандалы и до гроба ихъ носить будетъ, „и тебѣ скотинѣ докажу, что я могу“. Жители обвиняютъ старшину въ бездѣйствіи. Gmelin 2.187. Anamürskaja o der Podwoloschnaja. „Was ein Sibiriak glauben soll, dazu muss er ein Befehl haben, sonst glaubt er es nicht.“ 2.188.

1-го юля. Дер. Б. Мамырская или Намырская расположена по обѣ стороны рѣки того-же имени, чрезъ которую брошенъ мостъ. Терраса состоитъ изъ блѣдно-краснаго наноса; края ея изрѣзаны небольшими овражками; отъ рѣки она отдѣлена узкой кочковатой полосой. Скоро за деревней обнаженіе прекращается и терраса прячется за шпалеру густого ел.ника; потянулись пашни со множествомъ засохшихъ листовнищъ. Вчера въ 8 часовъ вечера скотъ бѣжалъ рысью на пастбище, а сегодня, въ 6 ч. утра, рысью-же бѣжитъ домой спасаться у дымокура отъ мошки.

„Мотри, братъ, тамъ что-то мырить“—рыбить воду.

Анер. 751,5 21. При водѣ виденъ красный глинистый наносъ. Далѣе появляется снова обнаженная терраса и тянется до М. Мамыри, расположенной въ 6 верстахъ на томъ-же правомъ берегу. Весь берегъ возмутительно заваленъ навозомъ. За деревней снова потянулась терраса, но нѣсколько ниже и отдѣленная отъ рѣки довольно широкой низменностью.

Острова безъ лѣса. Мошки нѣтъ, но зато сильный низовникъ мѣшаетъ плыть. Далѣе террасу покрываетъ соснякъ и береза; видныя обнаженія красного песчаника. Чѣмъ дальше, тѣмъ окраска обнаженій становится интенсивнѣе. Слои песчаника съ очень слабымъ паденіемъ на NE. Между красными попадаются прослойки и сѣраго песчаника, а у воды много глыбъ чистаго сѣраго песчаника. Анер. 752,0 + 23. На верху террасы наносъ съ мелкой галькой, крупные гальки встрѣчаются рѣдко. Снова острова съ ельникомъ. У Гмелля: Keschenskaja D. welches eines des grössten Dörfer dieser gegend ist. 2.188.

Рѣка Кежда прерываетъ террасу и течетъ въ красныхъ берегахъ; на ней строится мостъ по устраиваемой дорогѣ Село Кежемское расположено у основанія террасы, а частью и на ней. За селомъ пашни; хлѣба хороши. Самая деревня выглядитъ недурно. Влѣво, въ глубинѣ излучины, образуемой Ангарою, виднѣется массивъ горъ, доминирующій надъ всей скрестностью. Анер. 751,5 + 22,5.

Здѣсь я встрѣтилъ еврей-цѣловальника Таубера: сидитъ опечаленный, что не можетъ торговать за неполученіемъ патента; „продать водки нельзя, а такъ прошу выкупать“. Груды бочекъ у кабака свидѣтельствуютъ, что и въ заходустѣ людѣ не прочь гульнуть. Ясно выражены двѣ террасы — верхняя красная, нижняя бѣлая. За деревней нижняя исчезаетъ подъ ельникомъ, а верхняя продолжается, покрытая соснякомъ; красныхъ обнаженій много. На островахъ появляется сосна, береза; ельникъ теряетъ свое господство.

О хлѣбахъ говорятъ впервые: „всякіе, есть добрые, есть и худые“. „Ншъ какой колышенъ на рѣкѣ“. „Вошемъ верштѣ“ отъ станка дер. Наратай. Терраса прерывается небольшою падью, на правомъ пологомъ берегу которой пашни. Почва всегда красноземная. Осинный ручей названъ потому, что въ вершинѣ его (три дня ходу) добываютъ осину для стружекъ; „бываютъ верхковъ 12 въ отрубѣ“. Всюду замѣчаешь, что люди стараются завладѣть каждымъ пригоднымъ лоскуткомъ земли. Отсюда терраса теряетъ свой постоянный

характеръ; склоны округляются и дѣлаются значительно выше; далѣе терраса появится, затѣмъ исчезнетъ и т. д. Новая дорога преложена по красному песчанку. Рѣчка Суровцева; по долинѣ ея пашни съ засохшими лиственницами. Въ направленіи отъ устья Б. Суровцевой видна доминирующія сопка Распутинскій камень. Далѣе терраса возстаетъ, много обнаженій краснаго песчаника. Близъ деревушки Распутиной, — 9 домовъ, лежащей у подножья названной сопки, прибрежная полоса вытянулась длиннымъ мысомъ, на немъ пашни и покосы. На островахъ ельничекъ встрѣчается еще, но очень рѣдко.

Надѣво на острову дер. Святыня. Острова покрыты тальникомъ; показывается высокій, давно не виданный лѣвый берегъ.

На островѣ Родионовомъ растительность поразительно сходна съ иркутской; все растетъ роскошно, сочно, но разнообразія мало. Островъ этотъ состоитъ изъ сѣраго слоистаго ила, а смежный съ нимъ Филипповскій изъ такого-же наноса, какой залегаетъ въ террасѣ М. Намырской; высота его приблизительно такая-же. Хочется думать, что островъ Филипповскій и Намырская терраса суть остатки одного и того-же дна, отложеннаго позже красныхъ пластовъ.

На острову дер. Филиппова со всеми пашнями и сѣнокосами; на правомъ берегу деревушка Лучиха при р. того-же имени, прорѣзающей красную террасу. *Анер.* 753,0 + 23,5.

Въ дер. Лучихѣ живетъ голова Братской волости, сынъ поселенца старовѣра. Это молодой парень, не чуждый сознанія, что „Я-де голова“. Сельская управа и ямщики нахватаются въ дер. Филипповой, которая выглядит очень хорошо; дома большіе, ветхихъ мало, вездѣ довольно чисто, по улицамъ прорыты канавки, покрытыя досками; очевидно, люди зажиточные. Голова снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ Карапчанскому головѣ и сообщилъ, что переходъ на р. Кобу и по ней въ Ангару вполне возможенъ. — Петровъ праздникъ и здѣсь еще не окончился.

Путь идетъ далѣе вдоль праваго берега. Скоро показалась дер. Исакова, состоящая изъ 5 домовъ и расположенная на той-же красной террасѣ, которая была видна раньше. Слѣдующій затѣмъ островъ состоитъ изъ такого-же, что и Филипповскій, наноса. Снова показался ельничекъ какъ на островахъ, такъ и на берегу.

Ямщики жалуются на свое житье-бытье: „Мѣсто у насъ утѣшенное, лѣсъ да вода; богатые совсѣмъ голытьбу заѣли“. И дѣйствительно, трудно объяснить, какъ живетъ вся

эта голытьба! Ока одна на своихъ плечахъ несетъ всю тяготу общественной жизни, а выгоды достаются другимъ. Кто побогаче, нарвится попасть въ начальство—въ головы, старшины, что и даетъ имъ сугубую возможность ко всякому обирательству голытьбы. Богатаго почти никогда не встрѣишь на ямщицѣ или на дорогѣ, за него работаетъ голь, закабаленная у него по шею.

Путь между островами; на правомъ берегу деревня Красный Яръ, а впереди гора „Монастырскій Камень“. Ямщики очень несмѣло просятъ разрѣшенія отдохнуть и покурить табачку; очевидно, это не всѣми и не всегда имъ разрѣшается. Впрочемъ, чаще всего имъ приходится плавать съ начальствомъ, а таковое дремать въ пути не любить. По разсказамъ, хлѣба хороши, только на высокихъ еланяхъ, на низкихъ плоховаты: „было три инея съ весны, прихватило“. Сѣютъ рожь озимую и яровую, пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ—рѣдко кто, да и то по-малости; табакъ садятъ очень мало, все больше привозный, цѣна на него 20 коп. фунтъ.

Терраса исчезла; потянулись обширныя елани красноярскія. Лѣвый берегъ приближается; на многочисленныхъ островахъ и на еланяхъ ельникъ.

На правомъ берегу дер. Монастырская, на мѣстѣ бывшаго когда-то монастыря. „Была когда-то въ старину церкви, монастырь, кельи были доспѣты, монахи жили“. Теперь только маленькая деревушка у подножья огромной горы, составляющей мысъ при поворотѣ Ангары вправо.

Въ говорѣ ямщиковъ не слышно цоканья и шавканья.

Виденъ Братскій острогъ. Лѣвый берегъ здѣсь понизился; далеко за склономъ виднѣются высокія горы; все эти горы, кажется, были берегами одного обширнаго водоема. Съ правой стороны, за Монастырской, ближе къ мысу видна образцовая красная терраса.

Рѣка Ока впадаетъ слѣва нѣсколькими устьями; на берегахъ наносъ бѣлый.

Въ Братскомъ Анер. 752,0 + 27,5.

Село Братское вытянулось длинной вереницей домовъ по берегу, кажется, протоки, весьма грязной и вонючей, на берегъ которой сваливаются все нечистоты; несмотря на это, селеніе выглядит городкомъ.

Собранныя растенія сохнуть въ лодкѣ очень плохо, пришлось возить съ ними весь вечеръ.

Приходилъ проводникъ по порогамъ „вожъ“, нѣкто А. Карновъ въ состояніи полной невмѣняемости. Трудно было

добиться от него чего-нибудь толкового. Разрушил только мою надежду пройти на Ангару по Ковѣ или Мурѣ. О возможности очистить пороги говорятъ „что здѣшніе дураки не понимаютъ, какая польза будетъ намъ отъ этого“. Другіе-же утверждаютъ, что и вѣрѣ православной будетъ конецъ, если пороги прорвутъ, полагаютъ, что это невозможно, ибо, кто-же можетъ быть больше Бога.—

Гмелинъ (3.78—9. 1738 Aug. 10) говоритъ: „Es wurden hier auf fünfzig Bratski und Tungusen, wegen eines Aufruhrs den sie wider den Riesigen ostrog und die Dörfe un der Angar geschmiedet hatten, in Verwahrung gehalten.—Was sie eigentlich vorgehabt haben, konnte ich nicht in Erfahrung bringen. Man redete ganz in der Stille davon. Hin und wieder soll man mehr Schiessgewehr und Schiesspulver bei ihnen gefunden haben, als innen gebühret. Man sagte, dass sie ihren Anschlag in drei verschiedenen Zeiten, als Petro-Pauli und Elios-Tag und den 1 August hätten ausführen wollen. Ein kleiner Bratskischen Knabe, der ohnlüngst detauft worden, solles entdeckt und angegelen haben. Die zu dem Bratskiechen Ostrog gehörigen Bratski und Tungusen sollen die Radersführer sein und sich mit anderen Udinskischen Bratski und Jlimskischen Tungusen vereiniget haben.“

2-го іюля. Весь день въ сел. Братскомъ. Былъ у мѣстной власти—засѣдателя г. Гостиловскаго: удостоенъ любезнаго приѣма, снабженъ открытымъ предписаніемъ. Совѣтуетъ пороги объѣзжать верхомъ и плыть на почтовой лодкѣ. Г. Засѣдатель сильно тоскуетъ, что въ настоящее время, когда перестали „пороть“ мужика, онъ сталъ гораздо хуже—дерзокъ, скрытенъ, лѣнивъ, упрямъ и т. д.

Сообщилъ М. Овчинниковъ.

Здѣсь кончается часть дневника Н. И. Витковского, переписанная набѣло имъ лично. Очевидно, остальную часть дневника онъ не успѣлъ обработать и переписать. Черновикъ *всего* дневника у меня имѣется, но обработка его потребуетъ времени, тѣмъ болѣе, что размѣры его довольно значительны—около 20 листовъ мелкаго убористаго писма.

М. О.

ИЗЪ ЖИЗНИ ТОМСКАГО КОММЕРЧЕСКАГО УЧИЛИЩА.

Съ января 1909 года въ томскомъ коммерческомъ училищѣ были введены такъ называемыя „Общеобразовательныя чтенія“. Чтенія эти внесли замѣтное оживленіе въ школьную жизнь и сопровождались значительными результатами, о чемъ см. №4 „Сибирскаго Архива“.

I.

Правила объ устройствѣ общеобразовательныхъ чтеній при Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Александра.

I. Цѣль чтеній.

§ 1. Общеобразовательныя чтенія имѣютъ въ виду чисто научную цѣль и развитіе въ учащихся эстетическаго вкуса. Они будутъ способствовать развитію самодѣятельности въ учащихся и дадутъ возможность развернуть свои силы въ той или другой области знанія, соприкасающейся съ проходными въ Коммерческомъ Училищѣ научными дисциплинами.

§ 2. Этой цѣли можно отчасти достигнуть: а) чтеніемъ научно-образовательныхъ рефератовъ и докладовъ съ дебатами по поводу ихъ содержанія; б) исполненіемъ музыкально-вокально-литературныхъ №№.

§ 3. Вопросы общественно-политическаго характера совершенно исключаются изъ круга чтеній.

II. Время и общая программа чтеній.

§ 4. Чтенія открываются съ января 1909 года и устраиваются еженедѣльно по субботамъ съ 7 часовъ вечера, кончаются приблизительно въ 10 ч. вечера.

§ 5. Въ случаѣ недостатка матеріала, чтенія могутъ быть черезъ недѣлю, черезъ двѣ, три и болѣе.

§ 6. Въ началѣ собранія читается докладъ или рефератъ. Затѣмъ долженъ быть 10-минутный перерывъ, послѣ чего идутъ дебаты по поводу прочитаннаго. Дальше опять 10-минутный перерывъ и, наконецъ, музыкально-вокально-литературный отдѣлъ.

III. Предсѣдатель.

§ 7. Для общаго руководства чтеніями избирается Педагогическимъ Комитетомъ предсѣдатель изъ лицъ администраціи и педагогическаго персонала.

§ 8. Предсѣдатель открываетъ и закрываетъ собраніе, наблюдаетъ за выполненіемъ настоящаго положенія чтеній; на немъ лежитъ отвѣтственность за порядокъ и дисциплину.

—Распоряженія Предсѣдателя не подлежатъ обсужденію на чтеніяхъ.

§ 9. Предсѣдатель же совмѣстно съ участвующими въ чтеніи лицами вырабатываетъ программу каждаго чтенія.

IV. Участники.

§ 10. Дѣйствительными участниками чтеній являются исключительно учащіеся трехъ старшихъ классовъ Томскаго Коммерческаго Училища, т. е. VI, VII и VIII кл.

§ 11. Они самостоятельно составляютъ доклады и рефераты и ведутъ дебаты по поводу прочитаннаго.

§ 12. Въ участію въ дебатахъ и въ музыкально-литературномъ отдѣлѣ могутъ быть допущены, съ согласія г. Предсѣдателя, учащіеся и младшихъ классовъ.

§ 13. На чтеніяхъ могутъ присутствовать гг. члены Нечислительнаго Совѣта Педагогическаго Комитета и родители учащихся, какъ лица, близко-заинтересованныя въ жизни школы.

V. Составленіе рефератовъ и докладовъ.

§ 14. Темы для докладовъ и рефератовъ могутъ избираться самими учащимися. Но для облегченія ихъ гг. преподаватели, каждый по своей спеціальности, могутъ предложить съ своей стороны наиболѣе важныя и интересныя темы.

§ 15. Вообще составленіе рефератовъ и докладовъ находится подъ ближайшимъ руководствомъ гг. преподавателей-спеціалистовъ, при чемъ, конечно, самостоятельность и самостоятельность учащихся должна быть возможно полнѣе соблюдена.

§ 16. Написанный рефератъ предварительно прочитывается преподавателемъ и только съ его одобренія допускается къ чтенію. Затѣмъ, на чтеніяхъ этотъ преподаватель является руководителемъ въ научномъ отношеніи; напр., онъ разрѣшаетъ возникшія сомнѣнія и недоразумѣнія.

IV Дебаты.

§ 17. Дебаты могутъ вестись только лицами, детально ознакомившимися съ реферируемымъ вопросомъ. Въ видахъ ознакомленія учащихся съ содержаніемъ реферата, его главными положеніями, референтъ составляетъ возможно полный перечень тезисовъ своего чтенія. Тезисы вывѣшиваются на видномъ мѣстѣ въ училищѣ за недѣлю до чтенія реферата.

§ 18. Желашіе участвовать въ дебатахъ сообщаютъ свои фамиліи Предсѣдтелю до начала и послѣ прочтенія реферата. Запись ведется въ порядкѣ постепенности.

§ 19. Въ дебатахъ должна соблюдаться полнѣйшая корректность.

§ 20. Въ случаѣ некорректности дебанта Предсѣдатель дѣлаетъ ему замѣчаніе, которое можетъ быть повторено, а затѣмъ, дебантъ лишается слова, но только на время этого чтенія.

VII. Секретарь.

§ 21. На каждое чтеніе Предсѣдателемъ совмѣстно съ учащимися избирается секретарь, на обязанности котораго лежить составленіе протокола чтенія.

§ 22. Въ протоколѣ должна быть указана программа бывшаго чтенія и наиболѣе интересныя мысли, обсуждавшіяся на дебатахъ.

§ 23. Протоколъ долженъ быть составленъ не позднѣе, какъ черезъ пять дней послѣ чтенія; подъ протоколомъ подписывается Предсѣдатель и Секретарь.

§ 24. На слѣдующемъ чтеніи, въ началѣ, секретарь докладываетъ собранію протоколъ предыдущаго чтенія. Затѣмъ протоколъ сдается въ Архивъ Училища.

§ 25. По требованію обстоятельствъ, согласно съ указаніями опыта, настоящія правила въ цѣломъ и частяхъ могутъ быть измѣнены и дополнены Педагогическимъ Комитетомъ.

§ 26. Обсужденіе дѣятельности общеобразовательныхъ чтеній въ Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ, а равно обсужденіе дѣятельности Предсѣдателя, замѣна его новымъ и самое закрытіе общества принадлежитъ Педагогическому Комитету, по представленію администраціи Училища.

Предсѣдатель А. Ливковъ.

Секретарь А. Гранатъ.

10 января
1909 года.

II.

Темы для рефератовъ.

Исторія.

1. Историческіе законы.
2. Моисей и Гаммураби.
3. Гоненіе на науку въ средніе вѣка подл влияніемъ аскетическихъ взглядовъ времени.
4. Культурныя открытія и изобрѣтенія китайцевъ.
5. Палесса Іоаннь VIII (855—857).

6. Макіавели и его политическая доктрина.
7. Религія и мораль въ іезуитской оправѣ.
8. Сводъ существующихъ въ исторической наукѣ мнѣній вопросу о происхожденіи названія Славянъ „Русскими“.
9. Лжедмитрій I (Историческая загадка).
10. Таинственный старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ.

Естественная исторія.

1. Исторія ученія о клѣткѣ и современный взглядъ на различныя части ея.

2. Схема постепеннаго развитія растительнаго царства.
3. Явленія паразитизма въ животномъ царствѣ.
4. Способы распространенія живогныхъ.
5. Современный взглядъ на планктоны и методы изслѣдованія ихъ.
6. Жизнь морскихъ глубинъ.

Русскій языкъ.

1. Умственные течения въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка.

2. Русская литературная критика въ первой половинѣ XIX вѣка.

3. Сентиментализмъ и романтизмъ въ Западно-европейской литературѣ.

4. Первые опыты русскаго реальнаго романа.

5. Литературное вырожденіе въ русской литературѣ.

6. Историческій обзоръ развитія русской критической литературы.

7. Развитіе національныхъ элементовъ и реалистическаго направленія въ русской литературѣ.

8. Связь Обломова съ предшествующими литературными типами.

9. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы.

10. Личность Дмитрія Самозванца въ произведеніяхъ русской литературы.

11. Отношеніе боярства къ земщицѣ по комедіи Островскаго „Воевода, или сонъ на Волгѣ“.

12. Русскій національный характеръ (по произведеніямъ Л. Толстого).

13. Историческіе взгляды Л. Толстого.

14. Обрядовая сторона русской свадьбы.

15. Значеніе обрядовъ съ мнѣческой точки зрѣнія.

16. То-же съ историко-культурной точки зрѣнія.

17. Древне-русская жизнь по литературнымъ произведеніямъ того времени.

18. Декадентство въ русской литературѣ.

Физика, химія и космографія.

1. Расширеніе нашихъ чувствъ.
2. Прохожденіе электричества черезъ газы.
3. Атомы и эфиръ.
4. Теорія электролиза.
5. Теорія растворовъ.
6. Астрофизика.
7. Высокія и низкія температуры.
8. Основанія кинетической теоріи газовъ.
9. Воздухоплаваніе.
10. Исторія электрическаго освѣщенія.
11. О цвѣтной фотографіи (исторической очеркъ).
12. Катодные лучи.
13. Полярное сіяніе.
14. Участіе организмовъ въ созданіи земной коры.
15. Изслѣдованіе полярныхъ странъ.
16. Радіи и радиоактивность.
17. Звѣдное небо.
18. Движеніе луны и затмѣніе солнца и луны.
19. Мірозданіе по Ньютону.
20. Теорія растворовъ Вантъ-Гоффа.
21. Электролитическая диссоціація Арреніуса и ея значеніе для химіи.
22. Теорія равновѣсія и ея приложеніе въ химіи.
23. Дѣйствіе электрическаго тока на расплавленные и растворенныя слои.
24. Теорія строеній химическихъ соединеній и ея значеніе въ химіи. Изомерія.
25. Каталитическія реакціи. Теорія катализа. Приложеніе катализа въ химіи.
26. Значеніе химіи для другихъ естественныхъ наукъ.
27. Гипотеза атомно-молекулярнаго строенія матеріи.
28. Различныя виды топлива и ихъ утилизація.
29. Кристаллы.
30. О желѣзѣ.

Математика.

1. Способъ предѣловъ.

Законовѣдѣніе.

1. Организація современной семьи.
2. Что такое право собственности и въ чемъ его значеніе?
3. Договоръ и его значеніе въ современномъ гражданскомъ оборотѣ.
4. Купецъ.

III.

Къ свѣдѣнію.

Гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній при I Сибирскомъ Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Алексѣя.

17 января 1909 г. при нашемъ училищѣ состоится открытіе Общеобразовательныхъ Чтеній съ музыкально-вокально-литературнымъ отдѣломъ.

Ученикомъ VI клас. А. Бобровымъ будетъ предложенъ рефератъ на тему: „Гоненія на науку въ средніе вѣка подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ времени“.

Основные вопросы реферата:

1. Арабы и наука.
2. Схоластика въ средніе вѣка.
3. Аскетическій характеръ средневѣковой науки и его причины.
4. Гоненіе на науку въ Западной Европѣ въ лицѣ главныхъ ея представителей.

5. Отношеніе къ наукѣ въ Кіевской и Московской Руси.

Предсѣдатель общеобразовательныхъ чтеній А. Линьковъ.

Секретарь А. Гранатъ.

10 января

1909 года.

IV.

Программа

общеобразовательнаго чтенія, имѣющаго быть въ Томскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича Алексѣя 17 января 1909 года.

I отдѣленіе.

1. „Правила общеобразовательныхъ чтеній“.

Прочт. Секретарь уч. VII кл. А. Гранатъ.

2. „Рѣчь“ Предсѣдателя А. Линькова.

10-минутный перерывъ.

II. отдѣленіе.

3. Рефератъ: „Гоненія на науку въ средніе вѣка подъ вліяніемъ аскетическихъ взглядовъ времени“. Основные вопросы реферата: 1) Арабы и наука; 2) Схоластика въ средніе вѣка; 3) Аскетическій характеръ средневѣковой науки и его причины; 4) Гоненіе на науку въ Западной Европѣ въ лицѣ главныхъ ея представителей; 5) Отношеніе къ наукѣ въ Кіевской и Московской Руси.

Прочт. уч. VI кл. А. Бобровъ.

10-минутный перерывъ.

III отдѣленіе.

4. Дебаты по поводу реферата А. Боброва.
10-минутный перерывъ.

IV отдѣленіе.

5. „Баркаролла“. Чайковского. Трио. Исполнять:
Скрипка уч. VIII кл. Л. Клейманъ,
Віолончель уч. VIII кл. Н. Ельдештейнъ,
Рояль X X X.
6. „Галилей“. Стих. Кичеева.
Прочт. уч. VII кл. М. Прейсманъ.
7. „Колыбельная пѣсня“.
Исп. на віолончели Н. Ельдештейнъ.
8. „Пробъжайте“. Стих. Богданова.
Прочт. уч. VI кл. Р. Линденбратскаго.
9. „Осегняя пѣсня“. Чайковского.
Исп. на скрипкѣ Л. Клейманъ.
10. „Мать“. Стих. Надеона.
Прочт. уч. VII кл. М. Левинъ.
11. „Пвушка“. Русская пѣсня.
Исп. хоръ балабачниковъ подъ управленіемъ В. П. Александрова.

Секретарь А. Гранатъ.

V.

Протоколъ

общеобразовательнаго чтенія 17 января 1909 года.

На чтеніи присутствовали:

1) Г. Директоръ Училища С. Г. Егоровъ съ супругой, Бѣлышевъ, Н. И. Хваловскій, А. Н. Бартеневъ съ супругой, М. М. Щегловъ, А. Я. Брейтингамъ, Э. В. Баеръ, Г. М. Колоножниковъ, Л. М. Римеръ, Ф. П. Ялковскій, П. О. Федорченко съ супругой.

2) Изъ гг. родителей: Г-жи Боброва, Малышева, Плотникова, Звѣрева, Стрижева, Г-да: Предсѣдатель Союза учителей и родителей Стрижевъ, Управляющій Палатой Госуд. Имуществъ В. Ф. Королевъ, Селивановъ.

По открытіи засѣданія, Секретарь уч. VII кл. А. Гранатъ прочиталъ правила Общ. Чтеній. Затѣмъ Предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой указывалось на необходимость развитія въ учащихся самостоятельности.

По программѣ послѣ рѣчи Предсѣдателя положенъ былъ перерывъ въ 10 минутъ, но въ дѣйствительности этого перерыва не было въ виду того, что I отдѣленіе заняло очень мало времени. Сразу послѣ рѣчи Предсѣдателя Уч. VI кл.

А. Бобровымъ былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Гоненія и т. д.“, (см. программу).

Послѣ 10-минутнаго перерыва начались дебаты, въ которыхъ принимали участіе: А. Гранатъ—уч. VII кл., Р. Линденбратенъ—уч. VI кл., А. Яшинъ—уч. VI кл., Б. Перетцъ—уч. VIII кл., М. Миллеръ—уч. VIII кл.

А. Гранатъ указалъ, что главной причиной гоненія на науку въ средніе вѣка были не аскетическіе взгляды духовенства, а желаніе держать народныя массы въ невѣжествѣ, дабы онѣ путемъ научнаго развитія не могли разоблачать ложной позиціи духовенства. Референтъ, признавая доминирующій причиной аскетизмъ, отчасти согласился съ оппонентомъ.

Р. Линденбратенъ указалъ, что гоненіе было не на всѣ науки, а лишь на нѣкоторыя: даже часть наукъ пользовалась покровительствомъ церкви. Референтъ согласился, что гоненіе было не на всѣ науки, а только на экспериментальныя.

А. Яшинъ указалъ, что самой главной цѣлью гоненій на науку былъ шкурный вопросъ и только отчасти развитіе аскетическихъ взглядовъ. Въ остальномъ Яшинъ былъ согласенъ съ возраженіемъ А. Граната. Референтъ снова настаивалъ на аскетизмѣ, какъ доминирующей причинѣ.

Б. Перетцъ заявилъ, что референтъ недостаточно полно освѣтилъ вопросъ о причинахъ быстраго развитія наукъ у арабовъ. Референтъ указалъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ прямого отношенія къ его темѣ.

Наконецъ М. Миллеръ указалъ, какъ изъ противорѣчіе референта, признавашаго высокимъ авторитетъ Корана у Арабовъ и въ то же время сообщавшаго фактъ уничтоженія Александрійской бібліотеки, вопреки ученія Корана, заподвѣдывавшаго любовь къ наукѣ. Референтъ, признавая фактъ разрушенія бібліотеки, указалъ, что въ данномъ случаѣ арабы не руководились ученіемъ Корана.

Послѣ новаго 10-минутнаго перерыва началось музыкально-вокально-литературное отдѣленіе, при чемъ были исполнены слѣдующіе №№ (см. программу).

*Предсѣдатель А. Линковъ.
Секретарь А. Гранатъ.*

24 января 1909 года.

VI.

Къ свидѣнію

гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній при Истр-
вомъ Сибирскомъ Коммерческомъ Училищѣ Цесаревича
Алексѣя.

7 марта 1909 года, въ 7 часовъ вечера, состоится Собра-
ніе гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній. Учени-
комъ VIII кл. Л. Клейманомъ будетъ предложенъ рефератъ
на тему: „Жизнь и искусство“.

Тезисы реферата.

1. Введеніе.

а) Стремленіе къ безсмертію, какъ двигатель человѣче-
скаго творчества.

б) Искусство—зеркало жизни.

2. Жизнь и искусство:

в) Египта,

г) Востока (Арабы).

д) Греціи.

е) Рима.

з) Возникновеніе христіанства:

ж) Средніе вѣка. Могущество папства, мистицизмъ, па-
деніе папства и т. д.: Отраженіе этой жизни въ искусствѣ.

з) Эпоха Возрожденія: сліяніе христіанскаго искусства
съ языческимъ.

и) Новое время. Жизнь и искусство отдѣльныхъ госу-
дарствъ: Франція и Испанія.

4. Законы развитія искусства на основаніи историче-
скаго обзора.

5. Заключение.

і) Музыка и декадентство.

Послѣ реферата—дебаты и литературно-музыкаль-
ное отдѣленіе по особой программѣ.

3 марта 1909 г.

Предсѣдатель А. Линьковъ.

Секретарь П. Ельдиштейнъ.

VII.

Къ свидѣнію

гг. участниковъ общеобразовательныхъ чтеній.

Рефератъ Л. Клейманъ: „Жизнь и искусство“ переносит-
ся съ 7 на 14 марта,—въ виду задержки въ изготовленіи
діапозитивовъ для иллюстраціи реферата.

5 марта 1909 г.

Секретарь П. Ельдиштейнъ.

УШ.

Программа

общеобразовательнаго чтенія 14 марта 1909 года.

I отдѣленіе.

I. Протоколъ общеобразовательнаго чтенія 28 февраля 1909 года.

Прочт. Секретарь, уч. VIII кл. П. Ельдиштейнъ.

II. Рефератъ уч. VIII кл. Л. Клеймана на тему: „Жизнь и искусство“.

Тезисы реферата: —

(См. выше).

II отдѣленіе.

Дебаты по поводу реферата.

III отдѣленіе.

III. „Побѣжденные“ (изъ Ада Негри).

Прочт. уч. VII кл. М. Прейсманъ.

IV. „Разбитыя мечты“. Вальсъ.

Испол. духовой оркестръ подъ управл. К. К. Зиссерманъ.

V. „Человѣкъ“. Стих. П. Я.

Прочт. уч. VII кл. М. Левинъ.

VI. „Трудное время“. Гавоть. Соч. Лейсекъ.

Исп. духовой оркестръ подъ управл. К. К. Зиссерманъ.

Между отдѣленіями будутъ 10-мин. перерывы.

За секретаря В. Перетцъ.

IX.

Протоколъ

общеобразовательнаго чтенія 14 марта 1909 года.

На чтеніи присутствовали:

1. Членъ Попечит. Совѣта Н. А. Молчановъ; г. Директоръ Училища С. Г. Егоровъ съ супругою; гг. преподаватели Училища: П. О. Федорченко съ супругой, П. Н. Хваловскій, М. М. Щегловъ, В. П. Шумиловъ, Ф. П. Янковскій.

2. Изъ родителей: Г-жи: Малышева, Петрова, Севенаръ, Леоновичъ, Лейбовичъ, Чернышева, Гранатъ; Г-да: Ивановъ, Томашкевичъ, Леоновичъ, Щекинъ.

По открытіи Собранія въ 7 ч. 20 м. вечера, и об. Секретаря, уч. VIII кл. В. Перетцъ былъ прочитанъ протоколъ чтенія и объявленіе слѣдующаго Собранія: „11 апрѣля имѣеть быть общеобразов. чтеніе. Ученикомъ VII кл. М. Прейсманъ будетъ предложенъ рефератъ на тему: „Красота формъ въ природѣ“. Во время реферата будетъ проэктировано на экранѣ около 25 картинъ. Послѣ реферата—литературно-музыкально-вокальное отдѣленіе“.

Затѣмъ, учен. VIII кл. Л. Клейманомъ былъ прочитанъ рефератъ: „Жизнь и искусство“.

Тезисы реферата: *см. программу.*

Послѣ реферата былъ 10-мин. перерывъ. Затѣмъ по программѣ, должны были начаться дебаты по поводу содержания реферата, но, согласно просьбы г. капельмейстера К. К. Зиссермана, вмѣсто дебатовъ, прошло литературно-вокально-музыкальное отдѣленіе. Были исполнены ММ: *см. программу.*

Послѣ 10-мин. перерыва начались дебаты, въ которыхъ принимали участіе: Шполянской (VIII кл.), Бобровъ (VI кл.), Линденбратенъ (VI кл.), Миллеръ (VIII кл.).

Дебантъ Шполянской указалъ, что искусство создается не только подъ вліяніемъ географическихъ условій и историческаго прошлаго, какъ утверждаетъ референтъ, но также и въ зависимости отъ индивидуальности художника. Кромѣ того, искусство существуетъ не вслѣдствіе желанія безсмертія, но скорѣе, какъ отраженіе впечатлѣній жизни, которыя и являются цѣлью искусства.

Референтъ согласился съ тѣмъ, что искусство, между прочимъ, зависитъ и отъ индивидуальности художника, но что это—не главный факторъ. Относительно же взгляда Шполянскаго на отраженіе впечатлѣній жизни, какъ на цѣль искусства, референтъ замѣтилъ, что эти отраженія являются только рамками, но не двигателемъ искусства.

Затѣмъ Шполянской высказалъ соображеніе, что земная жизнь грековъ опредѣляла ихъ психологію такъ, что они и могли создавать высшихъ произведеній искусства. Л. Клейманъ на это возразилъ, что земная жизнь грековъ не мѣшала имъ быть творцами искусства.

Шполянской еще отмѣтилъ, что современное декадентство является уродливымъ лишь вслѣдствіе отсутствія высокоталантливаго представителя въ средѣ декадентовъ, который былъ бы понятенъ широкимъ слоямъ общества. Въ отвѣтъ на это референтъ указалъ, какъ на причину уродливости декадентства, на тотъ хаосъ, впечатлѣній, авторовъ, который является продуктомъ ненормальной современной жизни.

Дебантъ Бобровъ высказалъ взглядъ, что искусство создается не столько подъ вліяніемъ чувства, сколько разума. Референтъ признаетъ вліяніе разума на искусство, но доминирующее значеніе предоставляетъ чувству. Потомъ Бобровъ не соглашается съ мыслью референта, что у арабовъ не было гоненія на науку. Однако этотъ вопросъ г. Пред-

сѣдатель снялъ съ обсужденія въ виду того, что онъ былъ разобранъ на рефератѣ 17 января 1909 года.

Записавшійся на дебаты Р. Линдебротенъ отказался отъ слова. Миллеръ выступилъ въ защиту референта противъ Шполянскаго, что стремленіе къ безсмертію есть главнѣйшій двигатель человѣческаго творчества.

По окончаніи дебатовъ г. Предсѣдатель, закрывая Собраніе, отмѣтилъ, что нынѣшнее общеобразоват. чтеніе прошло съ большимъ успѣхомъ, и что, вообще, это трудное, но важное и необходимое дѣло теперь налаживается и даетъ надежду на лучшее будущее.

Собраніе закончилось въ 10 ч. 40 м. вечера. Д

Предсѣдатель А. Линьковъ.

Секретарь Б. Перетцъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ СИБИРСКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX СТОЛѢТІЯ.

I.

Приказъ. Въ указѣ Его Императорскаго Величества изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія отъ 4-го мая за № 297 Его Преосвященство Миклаилъ, Епископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій и кавалеръ отъ 26-го апрѣля за № 203 изволилъ предписать слѣдующее: Промысломъ Божиимъ и по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 24-го февраля сего года за № 2352 духовенство вновь открытой Енисейской губерніи, составившейся изъ пяти уѣздовъ: Красноярскаго, Енисейскаго, Ачинскаго, Канскаго и Минусинскаго, отдѣленныхъ отъ Томской губерніи, принадлежащее къ епархіи Тобольской, для единообразнаго соединенія въ порядкѣ съ гражданскимъ управленіемъ и по причинѣ отдаленности сей губерніи отъ Тобольска, причислено къ епархіи Иркутской, о чемъ объявляя Енисейскому Духовному правленію для такового же объявленія всеѣмъ священно-церковно-служителямъ Вѣдомства своего, *во-первыхъ*, духомъ моимъ и сердцемъ желаю, и буду испрашивать отъ пастыря начальника Иисуса Христа божественной благодати Его всеѣмъ истиннымъ чадамъ Церкви Его, составляющимъ новую паству мою, дабы они вели себя достойно званія своего и сана, поступаая во всеѣмъ по правиламъ святыхъ Апостолъ и отецъ, Духовному Регламенту и указамъ; *далѣе, предлагаю, дабы они, священно-церковно-служители, отнынѣ со всеѣми своими дѣлами и нуждами относились уже уже не къ Тобольскому Владыкѣ и въ тамошнюю консисторію, а въ Иркутскую и ко мнѣ, не именуя, впрочемъ, меня Вели-*

кимъ Господиномъ, а просто Преосвященствомъ, — въ Енисейскомъ Духовномъ Правленіи приказали Архипастырское предписаніе *Его Преосвященства* объявить духовенству Градскому въ Духовномъ Правленіи, а уѣздному чрезъ Благочинныхъ мѣстныхъ, Верхнеподгороднымъ же и Городищенскимъ священно-церковно-служителямъ чрезъ предписанія Духовнаго Правленія, о чемъ чрезъ сіе и объявляется и вамъ симъ предписывается. Маія 20 дня 1824 года № 213.

II.

Приказъ. Въ указѣ *Его Императорскаго Величества* изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія отъ 4-го марта за № 175-мъ съ прописаніемъ такового-жъ Иркутской Духовной Консисторіи отъ 13 февраля за № 28-мъ изображено: она Консисторія, слушавъ предложеніе *Его Преосвященства*, въ которомъ написано, что являющіеся ко мнѣ кандидаты—ставленники для посвященія въ дьякона и іереи большею частью оказываются при испытаніи совѣмъ неприготовленными къ просимому сану, и только умѣющими читать по книгамъ, но нечитавшими оныхъ, кромѣ часослова и исалтыри, почему подтвердить указами черезъ Духовный Правленія всѣмъ по Епархіи священно-церковно-служителямъ, дабы никто изъ нихъ не искалъ и не желалъ бы повышенія въ своемъ чинѣ, кто не читалъ нижеслѣдующихъ книгъ: 1-е) Библию во всемъ ея составѣ, 2-е) православнаго исповѣданія, 3-е) О должности приходскихъ священниковъ, 4-е) изъясненія на литургію и другихъ поучительныхъ книгъ, особливо писаній святыхъ отцовъ, что же касается до устава церковнаго, служебника и требника, то само собою разумѣется, что сіи книги должны быть ихъ ручными и также знакомыми, какъ русская азбука. Во всѣхъ вышеписанныхъ предметахъ Духовныя Правленія обязаны предварительно испытать рекомендуемыхъ ими кандидатовъ и предвѣщать, что за незнаніе сихъ предметовъ они не только получатъ отказъ въ своихъ прошеніяхъ, но и подвергнутся штрафованію, если и за симъ будутъ еще домогаться или прискивать повышенія, въ чемъ приказали: съ прописаніемъ резолюціи *Его Преосвященства* на точное исполненіе во оное Духовное Правленіе послать указъ; въ ономъ же Правленіи *опредѣлено*: градскимъ дьяконамъ и причетникамъ объявить сей указъ по подлежащему въ Духовномъ Правленіи, а уѣзднымъ чрезъ мѣстныхъ священниковъ и благочинныхъ, о чемъ вамъ (т. е. благочинному) симъ и предписывается. Марта 31 дня 1826 года № 80.

III.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія.... Священно-церковно-служителямъ Въ указѣ Иркутской Духовной Консисторіи отъ 31-го декабря 1830 г. № 2781-й прописывается: Въ данномъ сей Консисторіи предложеніи отъ 11 декабря сего года Его Высокопреосвященство Иркутскій, Архіепископъ Иркутской, Нерчинскій и Якутскій и размыкъ орденовъ кавалеръ, прописываетъ: „что, желая преподавать, сколько возможно, самые легкіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ самые вѣрныя способы къ наученію священно-церковно-служителей тѣмъ предметамъ, кои входятъ въ составъ ихъ непремѣнной обязанности, нужнымъ нахожу на сей конецъ по всемъ церквамъ ввѣренной мнѣ Епархіи учинить слѣдующее распоряженіе:

1) Благочинные обязываются во всехъ церквахъ своего вѣдѣнія завести скрѣпленные ими тетрадки, примѣрно въ два листа, къ коимъ, въ случаѣ новой надобности, самому причту прибавлять потребное количество листовъ за скрѣпою всехъ священно-церковно-служителей.

2). Старшему священнику церкви въ каждую субботу назначать какъ себѣ, такъ и младшему священнику изучить что-либо изъ ставленной грамоты, или изъ святительскаго поученія, дьякону же изъ грамоты диаконской и пространнаго катихизиса, а причетникамъ изъ сокращеннаго катихизиса, ежели они не предполагаютъ когда-либо быть діаконами или священниками. Въ противномъ же случаѣ тожъ изъ пространнаго,—и вносить сіе тогда же въ оную тетрадку, ясно и точно, то-есть сказывать, отъ какого мѣста по какое и что именно назначено изучать. Все же такимъ образомъ написанное скрѣпить всему причту.

3). По истеченіи недѣли старшему священнику прослушивать всехъ священно-церковно-служителей, и записывать въ означенной тетрадкѣ все то, что въ продолженіе сего времени изучилъ самъ старшій священникъ, что младшій его сотоварищъ, что дьяконъ и что причетники, и записанное скрѣпить всему причту.

4). Ежели священникъ и дьяконъ почему-либо не имѣютъ ставленной грамоты, то въ такомъ случаѣ неизмѣющему списать оную; а между тѣмъ донести о семъ благочинному для представленія намъ.

5). По изученіи причтомъ вышеизложенныхъ предметовъ, тѣмъ же порядкомъ задавать священникамъ изъ предисловія книги о должности пресвитера, а діаконамъ и причетни-

камъ изъ нотной тетрадки придворнаго пѣнія Божественной Литургіи.

6) Вышепоказанный напѣвъ придворнаго пѣнія Божественной Литургіи не только причетникамъ и дьяконамъ, но и всѣмъ священникамъ изучать въ твердость.

7). Благодѣинымъ наблюдать строго, дабы вышеупомянутыя книги,—какъ-то: пространный катихизисъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета, книги о должности пресвитера и тетрадку придворнаго напѣва Божественной Литургіи съ сего времени выписаны были изъ консисторіи для всѣхъ церквей ихъ вѣдѣнія, а до того по частямъ переписывать какъ оное предисловіе, такъ и прочее каждому причту; о чемъ благодѣиные должны имѣть неупустительное наблюденіе.

8). Между тѣмъ, Консисторіи нынѣ же позаботиться о выискѣ изъ синодальной типографіи потребнаго числа экземпляровъ какъ означенныхъ, такъ и другихъ книгъ, нужныхъ для епархіи, послѣ предварительнаго моего разсмотрѣнія и утвержденія.

9). Когда священники ставленную грамоту, святительское поученіе и предисловіе изъ книги о должности пресвитера изучать, то занимать ихъ чтеніемъ дальнѣйшаго изъ сей книги и изученіемъ наизусть замѣчательнѣйшихъ текстовъ, и старшему отъ младшихъ ежедневно требовать отчета въ прочитанномъ, то-есть могутъ ли они все то пересказать своими словами и подтвердить текстомъ, наизусть произнесеннымъ. Порокъ какъ ихъ, такъ и свои успѣхи или противное тому записывать въ вышеуказанную тетрадь.

10). Когда же дьяконы и причетники изучать въ твердость вышеназначенные имъ предметы: то занимать ихъ изученіемъ краткой священнои исторіи съ вопросами, пѣніемъ изъ обихода и другихъ нотныхъ книгъ, употребляемыхъ въ церкви, чистоисаніемъ и изученіемъ простыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, съ занискою въ тетрадку, какъ выше сказано.

11). Благодѣинымъ не упускать изъ виду и того, чтобъ священно-церковнослужители уставъ и весь кругъ церковной знали и успѣхи или безуспѣшность ихъ въ сихъ предметахъ также означать въ тетрадкахъ, замѣчая и то, объемяютъ ли причетники книжницу краткаго устава обстоятельно, то задавать изъ оной уроки по вышеуказанному во 2-мъ и 3-мъ пунктахъ наставленію. Въ случаѣ же немѣнія самой книжницы благодѣинымъ доносить о томъ немедленно Консисторіи.

12). За каждую утреню, послѣ первой каѳисмы, неотмѣнно прочитатъ что-либо изъ пролога или четь-миней на сей день, буде же оныхъ не имѣется, то приобрѣсть, хотя прологъ, а дотолѣ читать какую-либо часть изъ книгъ, положенныхъ на сей конецъ Святѣйшимъ Синодомъ, примѣняясь по днямъ и обстоятельствамъ.

13). За каждую литургію въ будни, послѣ заамвонной молитвы, прочитатъ одно изъ повседневныхъ поученій изъ книгъ, разосланной во всѣ церкви отъ Святѣйшаго Синода.

14). За каждую литургію, въ воскресные и праздничные дни прочитатъ положенную на тотъ день синодальную проповѣдь, протвердя ее заблаговременно, дабы худымъ чтеніемъ не произвести отвращеніе въ слушателей, что наблюдать и относительно ежедневныхъ доученій.

15). Что изъ вышесказаннаго въ продолженіе недѣли было исполнено, также и отищено, и почему именно? Сіе записывать въ тетрадь.

16). Благочиннымъ выписывать и сіи книги изъ Консistorіи, ежели гдѣ таковыхъ нѣтъ при церквахъ не находится.

17). Консistorіи немедленно по первому донесенію отъ благочинныхъ выписать оныя изъ синодальной типографіи.

18). Всему причту церковному неотмѣнно приходитъ на всякое славословіе и становиться на клиросъ, исключая тѣ случаи, когда священники, бывъ заняты мірскими трудами, исполнить сего будутъ въ невозможности. Нерадѣіе же причта о хожденіи въ церковь отмѣчать въ тетрадь.

19). Діаконамъ въ воскресные и праздничные дни безъ приготовленія не служить, противное отмѣчать въ тетрадь.

20). Внушить священникамъ и причетникамъ, чтобъ они предо всякимъ служеніемъ протверживали по возможности, что кому въ продолженіе службы читать или пѣть подлежатъ будетъ, а именно: священники и діаконы умѣли бы прочитатъ по возможности съ уразумѣніемъ и страхомъ Божіимъ Св. Евангеліе, а дьячки и пономари такимъ же образомъ часословъ, псалтирь, пареміи и каноны съ строгимъ соблюденіемъ оксій и прочихъ удареній, въ церковныхъ книгахъ употребляемыхъ; а всѣ вообще умѣли бы правильно по нотамъ пропѣть стихиры и ирмосы, положенныя на тотъ день.

21). Противное сему, а особенно тѣ слова, гдѣ причтъ погрѣшаетъ противу ударенія и извращаетъ смыслъ оныхъ, означать съ подробностью въ тетрадь.

22). Изъ вышеназванныхъ тетрадокъ каждыя три мѣсяца дѣлать точную выписку, которую за скрѣпою всего причта и мѣстнаго благочиннаго представлять намъ для разсмотрѣнія при рапортѣ отъ благочиннаго.

Консисторія распорядится по надлежащему.

Приказали: съ прописаніемъ предложенія *Его Высочайшаго Преосвященства* на должное по оному исполненію вамъ священно-церковнослужителямъ чрезъ Духовныя Правленія и благочинныхъ послать указы. Въ здѣшнемъ правленіи *опредѣлено:* съ прописаніемъ указа на точное исполненіе оного послать таковыя-жъ къ подвѣдомственнымъ благочиннымъ и священно-церковнослужителямъ. Января 13 дня. 1831 года № 30. Архимандритъ Ксенофонтъ. 9-го класса Тюменцовъ.

IV.

Иркутской Духовной Консисторіи.

Замѣчено мною, что многіе изъ причетниковъ вѣренной мнѣ епархіи не только въ селахъ, но и въ самомъ Иркутскѣ, правильно читать церковныя книги и пѣть по нотѣ не мѣютъ. Для отвращенія таковой несправности предлагаю учинить слѣдующее.

1). Монастырскимъ настоятелямъ, благочиннымъ, а чрезъ ихъ и всѣмъ священникамъ Иркутской Епархіи поставить въ непремѣнную обязанность, имѣть точное, также о наученіи чтенію и пѣнію находящихся подъ вѣдѣніемъ ихъ причетниковъ попеченіе, каковое имѣютъ богобоязненные отцы о собственныхъ своихъ дѣтяхъ.

2). Каждому вновь опредѣленному причетнику объявить при самомъ его вступленіи, что доколѣ онъ не научится правильно читать и пѣть, дотолѣ будетъ у него удерживаться половина доходовъ, которая можетъ быть не прежде возвращена ему, какъ по приобрѣтеніи имъ совершеннаго навыка къ чтенію и пѣнію.

3). Условіе сіе неупустительно исполнять на самомъ дѣлѣ, ведя точную записку удерживаемаго дохода, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа удержанія.

4). Если въ продолженіе года такимъ образомъ испытанный научится пѣть и читать, то весь удержанный доходъ съ предварительнаго нашего разрѣшенія возвращать ему, въ противномъ же случаѣ присылать оный въ Консисторію въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, доноси намъ въ то же время съ ясными доказательствами, что таковой причетникъ къ прохожденію своей должности уже совершенно неблагонадеженъ. Консисторія распорядится

по надлежащему. Подлинный подписалъ Ириней Архіепископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій; съ подлиннымъ вѣрно: въ должности секретаря Николай (неразборчиво).

Съ копіею вѣрно: архимандритъ Ксенофонтъ. Февраля 6 дня 1831 года № 38.

V.

Указомъ изъ Енисейскаго Духовнаго Правленія отъ 20 марта 1835 года № 181 предписано, чтобы причетники, кромѣ исправнаго чтенія, умѣли бы твердо пѣть, „Господи възвяхъ“ по гласамъ на Воскресныя стихиры, „Богъ Господь и явися“ на таковыя же тропари и „Святъ Господь Богъ нашъ“ на прокимны передъ Евангеліемъ подъ угрозой, что стихарные причетники черезъ полгода при незнаніи наизусть вышеуказаннаго будутъ лишены стихаря, а прочіе черезъ годъ половины дохсодь“.

Сообщилъ А. Савельевъ.

НА МОЕЙ ПАМЯТИ.

День былъ пасмурный. Я лежалъ на своихъ нарахъ и курилъ махорку. Въ сосѣдней комнатѣ слышны были заунывные пѣсни сапожниковъ, бывшихъ каторжанъ, и стукъ ихъ молотковъ. Одинъ изъ нихъ Василій Посоховъ, отмахавшій 20 лѣтъ на Карѣ, уже съдой, пѣлъ о загубленной молодости, о бродяжествѣ, какъ онъ, тоскуя по родинѣ, пришелъ въ свое село, его узнали и опять отправили по Владимиркѣ.

— Помолчи, Васька,—кричитъ хозяинъ Николай, тоже каторжннй.—Вишь душу-то выматываешь, и безъ тебя тошно. Еще—орловецъ, проломленная голова!... А я—москвичъ, человекъ полированный, и то бодрюсь, не хнычу; ну, а ты развелъ тамъ свои выкрутасы: „какъ ушелъ, да ушелъ добрый молодецъ“. Да вѣдь все мы добрые молодцы за художество пришли на Кару-то. Я за то, что въ темную ноченьку съ кистенемъ гулялъ подъ Москвой, за Калужской заставой обозы грабилъ съ товарами. Полоснулъ, значить, ящика ножемъ; ну, и влопался. Да вѣдь и ты, Васька, за то же самое, только около города Сѣвска. А ты, старый дьяконъ, за каки-таки грѣхи попалъ сюда,—продолжалъ Николай, обращаясь къ высокому худощавому бродягѣ, извѣстному въ Олекминскѣ пьяницѣ.

— Ты меня, Николка, не пытай—слышится отвѣтъ стараго дьякона. За что я попалъ—это не твоего ума дѣло.

Старый дьяконъ извѣстенъ былъ подъ фамиліей Иванова, изъ бродягъ, судился въ Новгородской губерніи за бродяжество.

Но сапожникъ Васька продолжалъ пѣть свою заунывную пѣсню, нескладно сложенную, по его рассказамъ, имъ самимъ.

Какъ ушелъ добрый молодецъ изъ Сибири,—
Во первыхъ, прошелъ дугами и тонями,
Дугами Забайкальскими—Барабинскими,
Тонями Красноярскими;
Во-вторыхъ, прошелъ по темнымъ лѣсамъ Сибирскимъ;
Подъ колодой, немъ съ лютымъ звѣремъ ночевалъ въ тайгѣ,

Пѣсню скучную вмѣстѣ съ лѣшнимъ пѣль.

Не страшился я чорта, лѣшаго,

А боялся я волостного писаря,

Засѣдателя полушьянаго.

Муки кончились; какъ пришелъ домой добрый молодецъ.

Во родно село, Новоспасское.

Пришелъ къ своему двору;

Къ своему двору, къ отцу, къ матери;

Къ отцу, къ матери подъ окошечко.

Ты, родимой мой батюшка,

Пусти въ темну ночь ночевать сына!

Ты, родимая моя матушка,

Осуши слезы горячія,

Обогрѣй меня на родной груди.

На ту рѣчь мою родной батюшка

Грубымъ голосомъ такую рѣчь держалъ:

Какъ у насъ во роду воровъ не было.

Ни воровъ и ни разбойниковъ;

Уходи, подлецъ, отъ моихъ оконъ.

Услыхала то родна матушка,

Выходила она за новы ворота.

Ты, дите мое, чадо милое,

Прокопій да свѣтъ Степановичъ,

Уходи скорѣй отъ родной избы,

Какъ у насъ въ избѣ злыя вороги.

Слезы лью съ тѣхъ поръ, эхъ, товарищи!

По бѣлу свѣту до сѣдыхъ волосъ шлюсь я...

Не видалъ и села Новоспасскаго...

Водворилась тишина.

— Это я! Я про себя пою. Это было со мной. Я не Васька, а Прокопій Степановичъ,—сказалъ сапожникъ и замолчалъ.

Васька былъ пѣсельникъ, онъ пѣлъ съ утра и до вечера, сидя за верстакомъ, запасъ пѣсень у него былъ неистощи-

мый. Печальная незатѣйливая пѣсня Васьки нагоняла толку и на Николая. Скучно было всеѣмъ и даже моя черная кошка Машка и та, забравшись въ комнату черезъ разбитое стекло, скалобно мурлыкала около меня, какъ бы чувствуя скуку и горе людское и преждевременно разбитую жизнь. Всеѣ это чувствовали, но не знали виновника своихъ несчастій, и каждый наровиль сорвать свое горе на своемъ ближнемъ. Здѣсь всеѣ были несчастны, даже моя кошка Машка, брошенная ея произволь судьбы докторомъ, уѣхавшимъ въ Россію.

Общую тишину прервалъ тотъ же Васька, затянувшій вторую негладкую самодѣльную пѣсню.

Вы скажите, мои мысли,

Про мое ли про несчастье.

Долго-ль намъ будетъ маяться

Въ эдакой напасти.

Печальное сердце безпрестанно тужить

Все по прежней волюшкѣ.

Кабы мнѣ да молодцу прежню волюшку,

Прежню волюшку, сизы крылышки!

Полетѣлъ бы я во Россешку,

Во Россешку къ отцу—къ матери,

Въ Новоспаское, къ милой лапушкѣ....

Васька! Чортъ ты эдакой,—кричитъ Николай,—что поешь-то? Самому подлецу подъ 70 лѣтъ, сѣдой какъ дунь, а поешь о милой лапушкѣ, да ты пойми, окаянный, лѣшій эдакой, вѣдь твоя то милая лапушка похожа на кievскую вѣдьму, вѣдь зубовъ то, поди, нѣтъ ужъ, а тоже лапушка. Тебѣ-ли теперь о лапушкахъ пѣть. Тебѣ, окаянному, слѣдуетъ только Богу молиться, о спасеніи души заботиться, а не о лапушкахъ пѣть.

— Да вѣдь изъ пѣсни слова не выставить,—говоритъ Васька.

— Изъ пѣсни слова не выставить,—передразниваетъ его Николай,—да ты самъ эту пѣсню-то сейчасъ сложишь.

— Ну, такъ што, хоть бы и самъ!

— А вотъ то-то и есть такіе пѣсни молодому пѣть, а не старику тебѣ.

— А ты молодой, почему не поешь такихъ пѣсенъ?

— А потому, что не для нашего брата онѣ.

— Нѣтъ. Ты потому не поешь, что тебѣ такой пѣсни не сложить. Знаю, что у тебя въ головѣ-то сидитъ; опять бы идти подъ Москву народъ грабить, да убивать.

— Ну и ты не лучше меня; тебя, стараго пса, тоже тянеть подь Сѣвскъ, али подь Брянскъ, али межъ Карачевомъ и Брянскомъ народъ православный грабить, а не понадается богатыняго, такъ и богомолку ошингаешь.

— Оно, пожалуй: одного, братъ, мы съ тобой поля ягода, — отвѣчаетъ Васька.

— Да, Васька, если бы не малые ребята, давно бы изъ этого гиблаго мѣста ушелъ. Посуди самъ: ты работаешь, работаешь съ утра до вечера, а что у насъ съ тобой есть?!

Я еще какъ-нибудь пробьюсь, потому что я молодежь, мнѣ 45 годовъ, а тебѣ подь 70 и умрешь ты, какъ собака, гдѣ-нибудь въ Маджегорскомъ нослегѣ, подь зародомъ сѣна у якутовъ. Такъ вотъ и кончится твоя анаемская жизнь. А впрочемъ, что объ ефтомъ толковать, разъ отецъ съ матерію породили меня, знать, надо жить до смерти, всети свою проклятую линію. Хоша иной разъ и приходить въ голову мысль идти на Лену ершей ловить и дѣлу конецъ, а потомъ одумаешься и скажешь себѣ: теперь маюсь, авось потомъ лучше будетъ; на повѣрку же выходитъ не только лучше, но все хуже и хуже становится жить-то. Думаешь, какъ бы ухитриться такъ пожить — по-господски, какъ исправникъ, али полицейскіе писаря. Каждый день бы въ карты поиграть, нализаться водки, колбаской закусить, тамъ сыкомъ и всякой другой канителью...

— Дуракъ! — кричитъ старый дьяконъ. А работу-то и красныхъ бабъ забыть? А зуботычины въ мордоплюевку?

— Ребята послушайте! — кричитъ бродяга Богдановъ.

— Чего тебя слушать-то, — говоритъ дьяконъ. — Исправникъ начальство, поставленное надъ всѣми, чтобы вы не баловались, не воровали, людей не убивали; и въ писаніи сказано: „сущій бо власти отъ Бога учинены суть“.

— Да, вѣдь и мы отъ Бога.

— Ну, братъ, ты врешь. Богъ то разбойниковъ не ставитъ.

— Нѣтъ, ты, старый дьяконъ, врешь, — возражаетъ Николай. — Чѣмъ исправникъ отъ меня, примѣрно, будучи сказать, отличается?

— А тѣмъ, что онъ благородный, благородный, значить, а ты хамъ, разбойникъ, грабилъ подь Москвой народъ православный, а исправники развѣ разбоемъ занимаются?

— Ну, ладно, пусть они не грабятъ и не убиваютъ, а хабару то вѣдь берутъ?

— Берутъ, но вѣдь хабара то установлена, потому что въ церкви то читаетъ священникъ: „всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ свыше“.

— Ты, дьяконъ, сегодня, кажись, лишній мерзавчикъ выпилъ, потому такъ и говоришь, все по божественной части, да по мудреному. Ну, а вотъ скажи мнѣ: грѣхъ убивати, али нѣтъ?

— Грѣхъ.

— А грабить?

— Тоже грѣхъ.

— А если грѣхъ, такъ твой исправникъ то же, что и я.

— Врешь, Николай. Ты—поселенецъ, два раза за убійство былъ сосланъ въ каторгу, а теперь съ Кары пришелъ въ Якутскую область. Вотъ, братецъ, ты мой, кто ты.

— А хабара, по моему, все едино, что и грабежь, вѣдь исправникъ беретъ ее за кривосудіе?..

— Я не знаю, за что онъ беретъ, но знаю, что всякое даяніе благо.

Васька положилъ конецъ этому спору, затянувъ извѣстную заунывную арестантскую пѣсню:

Ночь темна и свѣтла надъ водою,
Надъ обрывомъ, гдѣ волны шумятъ,
Освященные яркой луною.
Стѣны бѣлыя замка стоятъ.
Въ тихой кельѣ лампада мерцаетъ,
Узникъ спитъ, разгорается кровь,
Вспоминается старое, прежнее время,
Воскресаетъ забытое вновь.
Охъ, какъ эти высокія сосны,
Такъ растутъ подъ сіяніемъ дня.
Охъ, какъ эти мнѣ цѣпи несносны,
Они мучатъ, терзаютъ меня.
Скиньте, сбросьте желѣзныя цѣпи,
Отпустите на свѣтъ и просторъ,
Гдѣ поютъ перелетныя птицы,
Гдѣ шумитъ зеленѣющій боръ.
Отворите окно, отворите:
Мнѣ недолго страдать и любить.
Еще разъ на свободу пустите:
Мнѣ недолго осталось жить.
Цѣлду жизнь я страдалъ,
И страдальцемъ умру я;
Я умру, вы меня схороните
На родныхъ, на широкихъ поляхъ.

Будеть солнце сіять надо мною;
Мнѣ въ могилѣ легко будетъ жить,
Запоютъ перелетныя птицы,
Зашумитъ зеленѣющей боръ,
Загудитъ, зашумитъ мать дубравушка.
И придетъ на могилу мою
Моя милая лапушка,
И потонетъ могила въ цвѣтахъ...

— Нѣтъ, Васька,—говорить дьяконъ,—могила-то наша съ тобой не потонетъ въ цвѣтахъ, а вотъ Николай по основному коду вобьется. И то ладно будетъ, потому мы съ тобой бродяги изъ карійскихъ каторжанъ, цѣлую жизнь мучились и на томъ свѣтѣ не сладко намъ будетъ, а что по части цвѣтовъ, такъ они не про насъ писаны. Гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, чай пить, намъ хорошо и водицу съ сольюю.

Но Васька сидѣлъ и не слушалъ дьякона; молотокъ его выпалъ изъ рукъ. Онъ, видимо, впалъ въ глубокое раздумье. Казалось, что онъ жалѣлъ о своей разбитой жизни и загубленныхъ имъ жертвахъ...

— А все-таки мы, русскіе, дураки,—говоритъ Богдановъ.

— Почему же это такъ?—возражаетъ Николай.

— А потому, что мы хуже другихъ. Возьмемъ, примѣрно, чухонцевъ, литовцевъ, поляковъ, латышей и татаръ,—всѣ они будутъ насъ лучше.

— Ну, а ежели они лучше насъ, такъ ты и переходи въ мухоедавскую вѣру, сбѣлайся татаринкомъ, а тамъ двухъ бабъ дадутъ. Нѣтъ, въ сурьезъ: чѣмъ же они всѣ лучше насъ?

— А вотъ я расскажу вамъ. Я—псковекой.

— Кособрюхой, значить,—остритъ Николай.

— Да не перебивай! У насъ по сосѣдству живутъ чухонцы.

Но завязавшійся споръ былъ прерванъ ловой пѣсней Васьки. Это было какое то неутомимое горло.

Сторона-ль моя, сторонушка,

Сторона-ль моя постылая,

Постылая, холодная.

Я не самъ собой во тебя зашелъ,

Привели меня добра молодца

Во желѣзныхъ кандалахъ, скованымъ.

Заковала меня бодрость ухорска,

Бодрость ухорска, молодецкая.

А породила меня моя матушка
Во дремучемъ лѣсу,
Что во темномъ бору,
Какъ во темномъ бору,
Въ лѣсу брянскимъ,
Во недобрый день, да во пятницу.
Пеленала меня моя матушка
Зеленой травой,
Не атласъ—бархатомъ,
Не боялся я дождя частаго,
Дождя частаго, вѣтру буйнаго;
Какъ мочило меня частымъ дождикомъ,
Обдувало меня вѣтромъ буйнымъ.
Какъ во томъ ли во бору,
Во темномъ-ли лѣсу,
Я убилъ, эхъ, убилъ! зла помѣщика,
Заа помѣщика, звѣря лютаго.
Заковали меня, добра молодца,
Во кандалики да желѣзныя,
Во желѣзныя, да тяжелыя.
И пошелъ на Кару, во холодну Сибирь,
Во холодну Сибирь по Владимиркѣ...

— А и по дѣломъ,—сказалъ дьяконъ, когда Васька окончилъ свою пѣсню,—за правду значить. Не бей помѣщика—не пался бы и на Кару. Правда восторжествовала!

Ну, ты, дьяконъ, помалкивай со своей правдой,—говорятъ Николай. И гдѣ нынѣ правда? Кто это правдой-то живешь? Вотъ примѣрно, будучи сказать, я обокраду жидка Менгуса, или татарина Халенку, дамъ полиціи 100 рублей и выпустятъ меня, и я буду чистъ. Вотъ тебѣ и правда.

— Выпустятъ и скажутъ: иди чадо съ миромъ и твори также почаще,—вставилъ дьяконъ.

—Правда нынѣ; братъ, въ лапоткахъ ходить,—продолжалъ Николай,—въ лохмотьяхъ, а кривда съ господами въ золотѣ водочку пить, да московской колбасой закусывается. Правда нынче въ кандалы закована, да и когда она была то на свѣтѣ?

— А Христось развѣ неправду намъ проповѣдывалъ?—оправдывался дьяконъ.

— За правду-то Христа и распяли на крестѣ,—отвѣчаетъ Николай. Вотъ тебѣ и правда! Нынче съ неправдой лучше знакомство вести, чѣмъ съ правдой: съ ней, съ матушкой, всегда въ накладѣ будешь. Ежели сказать тебѣ, старый

дыжонъ,—по совѣсти, развѣ я виноватъ, что ямщика ножомъ убилъ. Нѣтъ. Развѣ мнѣ кто съ малыхъ лѣтъ говорилъ, что грабить нельзя. Я учился на Хигровомъ рынкѣ, меня съ малыхъ лѣтъ тамъ поили водкой, велѣли воровать и говорили, ежели я околпачу кого-либо: ай, да царень, Николка, изъ тебя выйдетъ хорошій молодецъ. На, выпей, другъ, водочки.

— Значить, стомаха ради укрѣплялся виномъ,—острить дыжонъ. Я тоже отъ юности моея позналъ веселіе Руси—пити и отъ юности же моея мнози борють мя страсти.

Я въ это время находился въ горницѣ. Вдругъ слышу:

— Ты укажи, гдѣ мнѣ его найти-то.

— Да въ горницѣ, говорятъ тебѣ, ступай со двора, тамъ увидишь дверь,—отвѣчалъ Николай.

— Да ты мнѣ укажи!

Черезъ нѣсколько минутъ отворяется дверь въ мою горницу и входитъ маленького роста длинноволосый человекъ, одѣтый въ якутскую національную одежду, по вишнему виду—типичный якутъ. Нѣсколько разъ перекрестился, стоя противъ иконы, и громко спросилъ у меня:

— Ты преступникъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Ты преступникъ; мнѣ сказывали, что ты преступникъ; царь тебя сослать къ намъ. Я тебя въ прошломъ году съ Дурдусовки возилъ въ Олекму, когда ты ѣхалъ съ казакомъ и солдатомъ, еще въ серединѣ сидѣлъ у нихъ. Я—Василій Иванковъ, крестьянинъ Олекминской деревни, пару почтовыхъ гоняю, станція-то въ моемъ домѣ. Вотъ я и знаю, что ты преступникъ царя русскаго, значить, ты оскорбилъ, онъ за это тебя и послать. Ты писать прошенія умѣешь?

— Нѣтъ, не умѣю,—отвѣчалъ я ему.

— Ты грамотный?

— Да.

— Ну, значить, умѣешь писать, все грамотные пишутъ прошенія. У насъ хорошимъ писарямъ якуты платятъ дорого, по 25 р. даютъ. Писарь чѣмъ лучше пишетъ, тѣмъ дороже беретъ. Нѣтъ, ужъ ты напиши мнѣ.

Что я буду писать, когда не умѣю,—отказывался я.

Но Иванковъ не унимался и, помимо моего желанія, началъ говорить о своей обидѣ.

— У меня, видишь ли, 7 годовъ тому назадъ сосѣлъ украсть 131 пудъ ярицы, ее нашли и въ Якутскѣ судъ при- судилъ взыскать съ вора 131 р. въ мою пользу. Бумагу судъ

прислать въ полицію. Воръ то полицейскому писарю далъ три красненькихъ, онъ взялъ да и въ печку бумагу то. Ну, вотъ теперь и нельзя съ него разыскать. Приду я къ исправниоу и говорю: исправникъ, ты съ писаремъ мошенничашь, ты мошенникъ! А исправникъ и закричитъ дежурному казакъ: Софронеевъ! дай Иванкову въ шею, да посади его на три дня въ чижовку. Казакъ дастъ въ шею, посадитъ меня въ чижовку, отсижу три дня, выйду, приду въ полицію и скажу предъ указомъ, что подъ стекломъ на столѣ стоитъ помощникъ исправника, ты мошенникъ, секретарь твой мошенникъ и писаря мошенники! Помощникъ скажетъ казакъ: дай Иванкову въ шею и посади его с... с.. въ холодную еще на три дня. Отсижу. Выпустятъ. Приду въ мірскую избу и скажу старшинѣ: старшина Ивановъ, ты мошенникъ! Старшина побьетъ меня и посадитъ въ холодную. Тамъ я хожу 7 лѣтъ и всё меня бьютъ, ругаютъ. Ну, вотъ ты и напиши все это, а я подамъ, что ты напишешь, большому начальнику.

Послѣ долгихъ колебаній я написалъ отъ имени Иванкова въ якутскій окружный судъ прошеніе, въ которомъ просилъ прислать копію съ рѣшенія суда, состоявшагося въ 1878 г. по дѣлу о покражѣ хлѣба крестьяниномъ Осиповымъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. За это время въ Олекминскѣ много побывало начальства, пріѣхалъ и епископъ Іаковъ. Ивановъ пришелъ къ нему. Подойдя подъ благословеніе, началъ излагать свою повѣсть.

— Ваше превосходительство! У насъ всё воры, всё мошенники.

Протоиерей, стоявшій около Иванова, замѣтилъ ему: нельзя говорить *превосходительство*, а надо называть *преосвященствомъ*.

— Ну, это все равно. Вѣдь онъ твой начальникъ, значитъ и *превосходительство*; исправнику онъ тоже начальникъ, вѣдь онъ больше его.

Іаковъ улыбнулся.

— Да ты иди къ исправнику съ жалобой, — сказала пресвященный, — онъ разберетъ твое дѣло по правдѣ.

— Ваше превосходительство! Да я зачѣмъ пойду къ исправнику, вѣдь онъ мошенникъ.

— Ну, тогда пожалуйся губернатору, а я начальникъ надъ священниками.

— А исправнику тоже начальникъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ! Я видѣлъ какъ исправникъ предъ тобой шапку снялъ, значитъ, ты начальникъ ему.

Какъ владыка не увѣрялъ Иванкова, что онъ исправнику не начальство, онъ былъ убѣжденъ, что епископъ больше исправника, слѣдовательно, можетъ ему помочь.

— Да, ты, ваше превосходительство, пострадай исправника мало-мало, онъ тебя послушаетъ и мнѣ взыщетъ 131 р.; да 7 р. 50 к. судебныхъ издержекъ; за это я съ Дурчусовской станціи прокачу тебя во-какъ, вѣдь я пару гоняю, ну, и потомъ чаемъ тебя напою. Пожалуйста пострадай его, чтобы меня въ чижовку не садить. Да ты скажи ему мошеннику, такъ: ты, исправникъ, больше не смѣй Иванкова сажать въ чижовку, и старастѣ тоже скажи, чтобы онъ меня не билъ. Они тебя послушаютъ.

— Его преосвященству надо говорить *вы*, а не *ты*, — шепчетъ протодьяконъ Иванкову.

— А это все равно, да и какъ ему говорить *вы*, когда онъ одинъ.

Пр. Іаковъ, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, благословилъ Иванкова и сказалъ ему:

— Хорошо, хорошо.

Иванковъ же такъ это понялъ, что архіерей скажетъ исправнику и старшинѣ, чтобы его не били и не садили въ чижовку. И довольный ушелъ...

Въ томъ же году, лѣтомъ, случилось важное обстоятельство не только въ жизни Иванкова, но и всего Олекминска. Пронеслась вѣсть, что ѣдетъ генераль-губернаторъ графъ Игнатъевъ—администраторъ вѣжливый, но строгій. Мѣстное начальство знало все слабыя стороны Игнатъева. Полиція прибиралась, очищалась, во входящемъ журналѣ все отмѣтки были сдѣланы, а незаписанныя въ журналъ бумаги выворочены были въ лодку, валящуюся во дворѣ, и прикрыты сѣнной трухой. Мѣстные адвокаты работали „во всю“, т. е. писали всевозможныя прошенія якутамъ и крестьянамъ.

— Не житье, а малина была бы намъ,—говорилъ одинъ адвокатъ,—если бы генераль-губернаторы почаще заглядывали сюда.

— Вотъ благодать-то,—говорилъ другой адвокатъ,—въ два дня я заработалъ 200 р. Положимъ, я беру дороговъко, но иначе и нельзя. Якутъ по своему смотритъ на эти ве-

щи: онъ всегда считаетъ лучшимъ адвокатомъ того, кто дороже беретъ. Дешкать, дорого беретъ, значитъ, хорошо платитъ. Зато и даютъ, что ни спросишь; запросишь 30 р. за прошеніе, поторгуется якутъ и дастъ 25 р.

Наконецъ, насталъ давно жданный день. Пароходъ уже сталъ къ берегу, полицейское начальство встрѣтило генераль-губернатора; скопцы принесли парниковыхъ арбузовъ и огурцовъ. Одинъ изъ чиновниковъ произвелъ ревизію, сошедшую благополучно, потому что бумаги въ лодкѣ лежали эмпрно и ни слова не говорили о своемъ существованіи. По приглашенію скопцовъ генераль-губернаторъ осматривалъ Спасское скопческое село, заходя къ старостѣ пить чай и кушать арбузы. Остался очень доволенъ скопческимъ хозяйствомъ и похвалилъ ихъ за трудолюбіе, чѣмъ, понятно, скопцы остались весьма довольны. Возвратившись на пароходъ, около котораго собрались поглазѣть въ олекминцы, началъ приемъ просителей. Послѣ приема генераль-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе не допускать къ нему больше никого, а самъ прогуливался по палубѣ. Командиръ олекминской казачьей команды распорядился по-ставить около пароходной сходи казачковъ съ ружьями, приказавъ имъ никого не пускать на пароходъ.

Но вотъ явился къ пароходу Иванковъ.

— Пустите,—говоритъ онъ,—мнѣ нужно къ генералу-губернатору.

— Нельзя.

Но казакъ въ это время былъ чѣмъ-то отвлеченъ въ сторону. Иванковъ воспользовался благоприятнымъ моментомъ и незамѣтно проскользнулъ на палубу.

— Ну,—говорили обыватели,—начнется теперь потѣха. Иванковъ подошелъ къ генералу-губернатору, молча взялъ за пуговицу его кителя и спросилъ:

— Ты генераль-губернаторъ?

— Я,—серьезно отвѣчалъ Игнатьевъ.

— Вотъ что, ваше преосвященство!—Ты человѣкъ петербургскій, московскій, са-амый настоящій московскій. До Бога высоко, до царя далеко; скажи мнѣ сущую правду. У насъ всѣ воры, всѣ мошенники. Неправникъ—мошенникъ, помощникъ—мошенникъ, засѣдатель—мошенникъ. У меня сосѣд укралъ 130 пудовъ ярицы, велѣно взыскать 131 р., 7 годовъ прошло, а денегъ мнѣ все не даютъ, потому что писарь въ полицію бумагу о взысканіи денегъ разорвалъ... Я приду къ исправнику, скажу ему: исправникъ, ты—мошен-

никъ, а исправникъ крикнетъ „Софронеевъ! Дай-ка Пвачкову въ шею да посади его въ чижовку!“ Софронеевъ, конечно, наостыляеть мнѣ здорово въ шею и засадить въ холодную.

Не успѣлъ Иванковъ разказать свои злоключенія, какъ вдругъ подходитъ исправникъ и говоритъ:

— Ваше сіятельство, это психически больной человѣкъ.

Генераль-губернаторъ махнулъ рукой, подскочили казаки повели Иванкова съ парохода.

— Пстойте, пстойте,—отбиваясь, кричалъ Иванковъ,— я съ генераль-губернаторомъ хочу говорить.

Его, разумѣется, не послушали.

При спускѣ на берегъ Иванковъ еще разъ выкрикнулъ, что было силы: „Исправникъ, ты—мошенникъ“.

На этотъ разъ Иванковъ не пострадалъ за свою дерзость: Софронеевъ въ шею ему не давалъ и въ чижовку не посадилъ.

На берегу Иванковъ все время повторялъ:

— Итъ правды, итъ правды. Скажите, люди добрые, —говорилъ онъ обращаясь къ смѣющимся обывателямъ,— гдѣ же правда то? Исправникъ—мошенникъ, помощникъ—мошенникъ, засѣдатель—мошенникъ, старшина—мошенникъ,—всѣ мошенники. Правды итъ, нигдѣ итъ.

Послѣ разговора съ генераль-губернаторомъ Иванковъ зашелъ ко мнѣ. Разговорились.

— У насъ въ Олекмѣ люди все плохіе,—всѣ наравнѣ украсть, обмануть, не считаютъ это даже и за грѣхъ. А вотъ почему ты не обманывашь, не воруюшь, пришелъ къ намъ откуда-то изъ Россіи. Должно быть, тамъ есть же хорошіе люди. До тебя у насъ были В. А. Бондыревъ, Буріотъ и Гамовъ, люди они простые, честные, уѣхали они давно отъ насъ. Они тоже изъ Россіи; значить, тамъ у васъ въ Россіи-то гдѣ-то есть же хорошіе люди. Да, навѣрно, много такихъ людей и у святого Иннокентія, потому что около угодника должны быть всѣ хорошими: не воры, не мошенники и не пьяницы; худыхъ онъ не пустить жить около себя. Надо ѣхать жить туда, ну и грѣхи позамалывать, а много ихъ у меня. Брошу хозяйство, оставлю все сыновьямъ, а самъ поѣду въ Иркутскъ, въ монастырь поступлю, для Бога надо пожить, потрудиться, грѣхи надо замоалить. Ты знаешь, что я шаманъ и считаюсь у якутовъ самымъ хорошимъ.

— Какъ же это, Василій, ты попалъ въ шаманы-то, вѣдь ты русскій, православный, и вдругъ шаманишь. По-

ложимъ, ты въ православіи-то слабовать, но отецъ у тебя былъ русскій, дѣдъ тоже...

Признаться сказать, когда я упомянулъ о предѣлахъ Иванова, я невольно почувствовалъ всю слабость своей аргументаціи. Дѣло въ томъ, что мнѣ отлично было извѣстно, что русскіе поселенцы въ Якутской области быстро утрачиваютъ свою національную самобытность и поддаются подъ вліяніе якутскаго уклада жизни. Путемъ смѣшанныхъ браковъ постепенно теряются физическія особенности великорусскаго народа; духовныя же вліянія якутовъ, ихъ вѣрованія, обычаи, навыки и т. д. еще быстрѣе усваиваются русскими поселенцами-вольными и невольными. Единственный элементъ русской культуры въ краѣ—духовенство, но оно въ большинствѣ случаевъ стоитъ далеко не на высотѣ своего назначенія. Исторія якутскаго духовенства—это обширный обвинительный актъ со всевозможнѣйшими статьями изъ Устава Духовныхъ Консисторій, запретительныхъ каноновъ и Устава и Уложенія о наказаніяхъ. Какъ низко стояло духовенство въ Якутской области въ былые годы, видно, напр., изъ слѣдующаго характернаго факта.

Протоіерей олекминскаго собора Федоръ Андросовъ въ 1829 г. сообщаетъ якутскому духовному правленію, что священникъ олекминской спасской церкви, Аванасій Малининъ, бѣгъ у катушки, въ масляницу, взялъ у якута шаманскій бубень, возложилъ его на себя съ пѣніемъ богородична: „кто тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво“, и продолжая пѣть далѣе, пошелъ по городу, при чехъ два якуты были одѣты въ шаманскія платья и представляли *дѣйство* шамана. Слѣдствіе, назначенное по этому дѣлу, закончилось однако ничѣмъ, потому что раскрылись такіе факты, что лучше было поскорѣе все забыть...

Не удивительно, что при такомъ духовенствѣ, якутская наства—и русскіе и якуты—погрязали въ религиозномъ невѣжествѣ и пробавлялись религіей, представлявшей смѣсь христіанства, шаманства и народныхъ легендъ фантастическаго характера.

Другая русская культурная сила—интеллигенція, тоже какъ то поднала подъ вліяніе якутской жизни. Богатые напр., классы нерѣдко отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе якутамъ съ той цѣлью, чтобы научить ихъ говорить по якутски, что необходимо при разныхъ сношеніяхъ съ ними. Понятное дѣло, что при этихъ условіяхъ шло открытое и широкое вліяніе якутовъ на попавшаго въ ихъ руки воспитанника.

Администрація тоже испытывает на себѣ въ довольно значительной степени вліяніе якутской обстановки.

Конечно, и якуты невольно знакомились съ русской культурой и отчасти приобщались къ ней. Но это знакомство, къ сожалѣнію ограничивалось только отрицательными сторонами. От русских чиновников якуты научились сутяжничеству, взяточничеству, самоуправству и др.

Въ завязавшемся разговорѣ съ Иванковымъ я невольно перешелъ на религіозную почву, тѣмъ болѣе, что меня вообще интересовали религіозныя представленія якутовъ.

Иванковъ оказался въ этомъ отношеніи типичнымъ якутомъ, въ головѣ котораго мирно уживалось и христіанство и якутская языческая мифологія.

Я, между прочимъ, спросилъ Иванкова:

— Какъ по твоему, Василий, кто такой *прюнь-ан-тоенъ*?

— Богъ,—отвѣчалъ Иванковъ.

— Да вѣдь это языческой якутскій богъ.

— Зачѣмъ якутскій. Прюнь-ан-тоенъ—самый русский богъ.

— А Иисусъ Христосъ?

— Тоже Богъ.

— А сатана?

— Сатана-то былъ роднымъ братомъ Иисусу Христу.

— По твоему, Василий, выходитъ, что сатана тоже богъ.

— Нѣтъ. Сатана—нечистый духъ.

— Какимъ же это образомъ сатана—нечистый духъ сдѣлался братомъ Иисуса Христа?—спрашиваю я.

— А вотъ какъ. Прюнь ан тоенъ послалъ сатану и Иисуса Христа на землю посмотрѣть, какъ люди живутъ. Вотъ они ходили, ходили по землѣ, устали и зашли на край деревни переночевать къ бѣдной вдовѣ, у которой была бѣлая корова, хорошая такая. Она кормила сироту. Коровы эта поправилась сатанѣ. Онъ захотѣлъ ее украсть. Но Христосъ объ этомъ узналъ и говоритъ сатанѣ: „не смѣй красть у вдовы коровы, потому она сиротку кормитъ“. Сатана отвѣчаетъ: „а тебѣ какое дѣло; ты—младшій братъ, долженъ мнѣ повиноваться, долженъ слушать меня; а корову я все таки украду“.

Заспорили и вступили въ борьбу. Христосъ былъ сильнее сатаны, побѣдилъ его, повалилъ на землю и говоритъ: „смерти или живота“?

— Оставь меня живымъ,—молить сатана Христа.

— Ты злой, такъ я тебя не пушу добромъ. Ступай сначала въ огонь и не смѣй ходить по землѣ, пока я здѣсь. А потомъ тамъ видно будетъ, какъ съ тобой поступить.

Съ этими словами Христосъ низринувъ сагану въ подземный огонь.

Дальше мы разговорились о святыхъ угодникахъ, великихъ мужахъ вѣры. Иванковъ считалъ ихъ за боговъ:

—Василій Великій также богъ. Иванъ Златоустъ тоже; Алексѣй Божій человекъ, мать Пресвятая Богородица, Николай чудотворецъ, Петръ и Павелъ, Александръ Невскій, Линоскентій угодникъ, который въ Иркутскѣ,—все это боги.

— Врешь, Василій, ты ересь говоришь: это все святые, но не боги; а Богъ-то у насъ одинъ.

— Ну, а барылахъ кто такой?..—спрашиваю я.

— Барылахъ—лѣшій, хозяинъ птицъ, звѣрей и лѣса.

— Ты выдай его?

— Какъ же, видѣлъ, видѣлъ его въ лѣсу.

— Какой онъ изъ себя?

— Черный, большой—большой, выше лѣса. Съ черной большой—большой бородой и косматыми волосами, похожъ на русскаго важнаго мужика. Если онъ идетъ по лѣсу, значить, вѣтеръ тогда бываетъ въ лѣсу; дерево ему попадаетъ на дорогѣ, онъ пинаетъ его ногой и то съ трескомъ валится. Если ему не понравится мѣсто, гдѣ живутъ бѣлки, зайцы, лисенцы и птицы, онъ ихъ перегоняетъ съ мѣста на мѣсто. Надъ человекомъ онъ часто въ лѣсу смѣется. Смѣхъ такой страшный—страшный. Страхъ забираетъ, когда онъ захлопаетъ руками и захохочетъ. Я годовъ пять тому назадъ ходилъ бѣлку стрѣлять съ собакой, хлѣба взялъ дня на два. Иду и стрѣляю; бѣлки много было. Но вотъ горе—хлѣбъ вышелъ: ѣсть хочу, а хлѣба нѣтъ. Вижу, что пора и домой идти. Собака, та сыта; убью бѣлку, обдеру и собакѣ. Вотъ иду день, иду другой; ночью съ собакой подъ лѣсной. Слышу разъ барылахъ ночью хохочетъ во всю глотку, лѣсъ трепитъ; собака тонорщится, зубы скалитъ, лапть, бросается, а я ее отзываю и говорю: „чего ты, глухая, лапть-то, вѣдь это барылахъ, съ нимъ ты ничего не сдѣлаешь, иди лучше спи“. Всталъ по утру, смотрю по сучьямъ, гдѣ сѣверная сторона, гдѣ полуденная; вижу, кажись, ладно иду; домой возвращаюсь, а мѣста незнакомыя, до дому никакъ не могу добраться. Посмотрю опять на сучья, на сѣверъ они короче, на полдень длиннѣе, вотъ ужъ по моему близко домъ, а егѣ гдѣ и нѣтъ. Ну, значить, барылахъ меня водить. Убилъ

бѣлку, ободраль ее и повѣсилъ на хрѣбтѣ къ одинокой лѣ-
синѣ. Какъ рукой сняло. Сразу вѣдь вышелъ на дорогу и
пришелъ въ зимовье якута Самсонова, онъ по Видлюйской до-
рогѣ живетъ верстъ за 70 отъ Олекмы. Самсоновъ меня на-
поилъ, накормилъ, я выснался, и пошелъ тайгой домой.

— Ну, а ты знаешь, Василий, кто такой *Уиччита*?

— Какъ же, хорошо знаю. Это—чортъ водяной,—отвѣ-
тить Иванковъ.—Живетъ онъ въ водѣ, людей топить.

— Ты видалъ его, знаешь, какой онъ?

— И видалъ и знаю. Онъ—черный мохнатый, на берегъ
Ясны выходитъ. На землѣ онъ человѣка боится и близко его
къ себѣ не подпускаетъ; какъ завидитъ, такъ и въ воду. Я
одинъ разъ шелъ съ собакой около Малой Черепанахи. Вижу
Уиччита сидитъ на берегу, на солнцѣ грѣется, мохнатый,
черный, страшный такой. Собака моя бросилась къ нему.
укусить хотѣла; Уиччита какъ хватить когтями ее, такъ ко-
жу съ бока и выдраль съ мясомъ. Собака чуть-чуть не пдох-
ла, долго хворала.—Иногда чортъ, показывается черной
уткой, а то и большой рыбой. Видалъ вѣдь, когда въ тихую
погоду онъ кувыркается въ Ленѣ, только брызги идутъ. Это
онъ радуется, значитъ, человѣкъ утонулъ. Чортъ съ лѣшнми
часто въ карты играютъ. Если чортъ проиграетъ, въ тотъ
годъ рыбы въ рѣкѣ мало бываетъ, а если лѣшій, то въ лѣсу
не бываетъ бѣлки, лисицы, горностая.

Много вредитъ нашему брату охотнику еще богъ Илья, по-
тому, что онъ пужаетъ звѣря громомъ и прогоняетъ его отъ
людей далеко, должно-быть, за грѣхи наши. Богъ Илья живетъ
всегда на небѣ, онъ страшный, гремитъ и пужаетъ не толь-
ко людей, но и нечистыхъ духовъ. Илья ѣздитъ по небу на
большой телегѣ. Въ телегѣ сидитъ, а крылатые кони его вѣ-
зять. За богомъ Ильей всегда гоняются злые духи. Вотъ
когда онъ ихъ увидитъ, возьметъ въ руки большущій камень,
коней пригнетъ, а самъ камнемъ то и бросаетъ въ духовъ;
камень летитъ на землю, злые духи туда же. Камень глубокого
уходитъ въ землю вмѣстѣ съ духами, тамъ ихъ онъ и при-
давляеть. За лѣто богъ Илья много ихъ перебиваетъ. Ка-
мени послѣ 3-хъ дней, когда духи совсѣмъ подохнутъ, уле-
таютъ обратно на небо.

Богъ Илья еще убиваетъ злыхъ духовъ изъ лука стрѣлами.
Стрѣла такая бываетъ всегда огненная. Она, ежели попа-
детъ въ лѣсину, всю ее разобьетъ. Ежели попадетъ въ чею-
вѣрка, или коня, аль въ корову тоже убьетъ. Стрѣла эта по-
лезна бываетъ отъ испуга, когда ребенокъ испу-

жается и его начнет родимецъ бить: слѣдуетъ только водой со стрѣлы окатить ребенка, да въ ротъ ему налить воды, родимецъ то и перестанетъ трепать..

Стрѣла бога Ильи никогда не бьетъ въ полѣ бѣлой березы, а всегда листовницу или сосну, рѣдко ель. Почему, ты думаешь?

— Не знаю,—говорю я.

— Въ книгахъ то развѣ не сказано объ этомъ?

— Не сказано.

— Какія же это книги, когда въ нихъ ничего не сказано о такихъ вещахъ. Худыя это книги, ничего не стоятъ. Видишь ли, въ березахъ то, не въ каждой, но въ старыхъ, всегда живетъ Ан-дойду итчитѣ Ан-дарханъ хотунъ, это, значитъ, добрая женщина, которая дѣлаетъ добро людямъ, потому стрѣла Ильи всегда мимо летитъ березы, чтобы не убить Ан-дойду итчитѣ...

— Какъ,—спрашиваю я,—по-якутски назвать бога Илью?

— Сюрдяхъ-тюя-тоенъ *).

— А матеръ Вожія, дѣва Марія, какъ называется по якутски?

— Няльбэй-аи-кюбэй—хотунъ **).

— Ты знаешь—говорю я,—что у насъ одинъ Богъ; но только въ 3-хъ лицахъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой.

— Знаю, знаю,—отвѣчалъ мнѣ Иванковъ. Богъ Отецъ—это самый старый богъ, царь боговъ, называется Ытыкъ, живетъ всегда на землѣ, никогда не летаетъ на небо, а ему все боги повинуются—и земные, и небесные. Второй богъ—Артъ-тоенъ-ага хозяинъ всехъ духовъ и злыхъ и добрыхъ, всегда живетъ на 9-мъ небѣ. Третій богъ—Юрюнь-аи-тоенъ—живетъ на 4 небѣ. Онъ, значитъ, бѣлый безгрѣшный богъ. Вотъ тебѣ и богъ въ 3-хъ лицахъ; это самые большіе боги.

У Юрюнь-аи-тоена есть помощникъ. Онъ называется Халланъ суркусутъ (небесный писарь), который пишетъ приказанія другимъ богамъ.

Кромѣ главныхъ боговъ, много еще другихъ меньшихъ и разныхъ ангеловъ. Такъ, Ильбисъ-ханъ-Егорій побѣдоносецъ, что помогаетъ русскимъ побѣждать турокъ. Ордахъ-Десегай-джигыль, по русски ангелъ, посоль значитъ. Его боги посылаютъ на землю, кода люди шибко грѣшатъ; онъ

*) Богъ грома, до-христіанскій, языческій.

***) Богиня—матеръ, до-христіанская, языческая.

предупреждаетъ людей о тѣхъ повѣтріяхъ, какія назначены богомъ. Другой ангелъ—Хань-Эхситъ, его богъ посылаетъ на землю съ хорошими вѣстями, когда богъ желаетъ прекратить наказаніе, какое наложено на людей.

— Кому же, Василій, ангелы сообщаютъ извѣстія о наказаніяхъ и о прекращеніи ихъ?

— Шаманамъ, шаманамъ, а тѣ ужъ людямъ говорить.

Есть еще *Эхситъ*—покровитель дѣтей. Онъ живетъ на восточной сторонѣ. Къ нему всегда обращаются безплодные женщины, такъ какъ безплодіе у якутовъ считается наказаніемъ Божиимъ. Для того, чтобы ангелъ далъ дѣтей, женщина покупаетъ водки и другого угощенія, беретъ съ собой мальчика или дѣвочку и отправляется на восточную сторону, выбираетъ удобное мѣсто, разводитъ огонь, становится лицомъ на востокъ и говоритъ: „ани-тоень-аянь бэрдэ мѣха-ола эхситъ-бэрдэр“, т. е. „прикажи богъ ангелу безъ грѣха дать мнѣ сына“. Когда женщина это произнесетъ, сейчасъ же плеснетъ водки въ огонь. Богъ услышитъ молитву и дастъ ребенка безплодной женщинѣ.

У коровъ есть свой богъ. Это—*Соломаиръ*, что значить женщина. Она очень добрая и большая госпожа. Къ этой богинѣ съ молитвой обращаются тогда, когда весной отелятся коровы. Хозяйка приготовляетъ сору (квашеное молоко), беретъ сына, который уже на возрастѣ жениха, а если его нѣтъ, приглашаетъ сына соседа; даетъ ему въ руки масло и сору и говоритъ: „пойдемъ угощать Соломаиръ“. Затѣмъ, идутъ на извѣстное мѣсто. Здѣсь хозяйка привязываетъ къ шести доскутокъ матеріи и втыкаетъ его въ землю, а потомъ говоритъ: „Соломаиръ! Мы принесли тебѣ подарокъ, дай намъ много молока, масла, сору, тары и хаяку“.—Послѣ этого выливаетъ въ разведенный огонь масло и сору. Если угощеніемъ Соломаиръ бываетъ доволенъ, у хозяйки бываетъ въ то лѣто много молока, а если нѣтъ—мало.

Боги вообще любятъ жертвы. Напр., богу *Ытыкъ* приносить въ жертву коней. Дѣлается это такъ. Заболѣть у якута, положимъ, глаза, никакія лекарства не дѣйствуютъ; тогда онъ приглашаетъ шамана, который шаманитъ, какъ слѣдуетъ, а затѣмъ объявляетъ больному, что богъ—исцѣлитель велитъ отдать коня бѣлой масти богу *Ытыкъ*. Послѣ этого больной будетъ здоровъ. Жертвенный конь выпускается на волю, ходитъ совершенно свободно, питается лѣ-

томъ на лугахъ, а зимой осиновою корой; прожить оны годъ, много два, а потомъ издыхаетъ.

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ. Я жилъ въ Иркутскѣ; но искателя правды Василя Иванкова я не забывалъ.

Разъ пришелъ я со службы и занялся чтеніемъ какой-то книженки. Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась. Гляжу: ходитъ Иванковъ вмѣстѣ съ моей дочерью, гимназисткой. Перешагнувъ порогъ и, обращаясь ко мнѣ, говорить:

— Чаемъ то меня напоишь?

— Напою,—отвѣчаю я.

— А я у тебя ночую.

— Ночуй.

Помолился затѣмъ оны иконѣ и сказалъ:

— Здравствуй!

— Ты какъ сюда попалъ?

— Приѣхалъ Богу молиться, къ Иннокентію угоднику, можетъ быть, совсѣмъ останусь у Иннокентія.

— А хозяйство какъ?

Все оставилъ сыновьямъ; старшему теперь ужъ 17 лѣтъ; можетъ вполне работать.

— Гдѣ ты нашла его?—спрашиваю свою дочь.

— На мелочномъ базарѣ. Вышла я изъ гимназіи, иду на базаръ купить крупы и сахару; вдругъ вижу Иванковъ бѣжить, сломя голову, съ помоста, опрокинулъ у торговки ладку съ омулями, у другой—огурцы и лукъ разсыпалъ; торговки бросились за нимъ съ палками. Поднялся страшный шумъ, брань... всѣ кричатъ, орутъ: „держи его, братскую морду“! Одна торговка догнала Иванкова и ударила его палкой по спицѣ. Какой-то мужчина запустилъ въ него камнемъ. Иванковъ подбѣжалъ ко мнѣ, здоровается... Базарная публика обступила насъ и довольно недвусмысленно давала понять, что не мѣшаетъ братскую образину проучать да за компанію и меня. Еле-еле мы выбрались изъ этой толпы, на которую, къ слову сказать, Иванковъ не обращалъ ровно никакого вниманія, несмотря на то, что по спицѣ его нѣсколько разъ прогулилась палка...

Оказалось, что Иванковъ уже 3 дня, какъ приѣхалъ въ Иркутскъ, остановился на постояломъ дворѣ по Блиновскій улицѣ. И все время разыскиваетъ меня. Поиски его начались съ того, что Иванковъ вышелъ на Арсенальскій базаръ и обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, гдѣ тутъ живетъ царскій преступникъ, который былъ у насъ прежде въ Олекмѣ.

Обошелъ онъ весь базаръ и каждому задавалъ этотъ вопросъ, но отвѣта ни отъ кого не получилъ. Наконецъ, къ то посовѣтовалъ ему обратиться къ городовому.

— Ты городской?—спросилъ его Иванковъ.

— Городовой. А ты кто?

— Я—Иванковъ.

— Что тебѣ надо?

— Царскаго преступника.

— Преступника?

— Да.

— У насъ много преступниковъ всякихъ. Тебѣ какія надо?

— Царскаго преступника, который жилъ у насъ въ Олекмѣ.

— Ахъ ты, братская рожа, тебѣ преступника надо! Поѣдемъ-ка въ полицію.

Городовой взялъ Иванкова за шиворотъ и повлекъ въ 3-ю часть.

— За что? Какъ? Почему? Вѣдь я тебя мошенникомъ не назвалъ! Въ полицію, навѣрно, исправникъ, онъ бить меня будетъ. Не пойду! Оставь!

Но городской, не обращая вниманія на протесты, тащилъ Иванкова въ полицію. Во дворѣ полицейской части городской далъ Иванкову здоровенную затрепину и доставилъ его предъ лицо помощника пристава Н. Л. Баранова.

— Ваше благородіе, вотъ эта братская морда ищетъ какого-то царскаго преступника. Я его арестовалъ, значить, для дспроса.

— Ты кто такой?—спросилъ Иванкова—Барановъ.

— А ты кто? —вмѣсто отвѣта задаетъ вопросъ Иванковъ.

— Тебѣ это на что?

— Ты—исправникъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Барановъ.

— Помощникъ?

— Нѣтъ.

— Засѣдатель?

— Нѣтъ.

— Енераль-губернаторъ?

Барановъ засмѣялся.

— Да откуда же ты пугало воронье?

— А то?

— Да.

Изъ Олекмы, крестьянинъ Василій Ивановъ. Приѣхалъ къ богу Иннокентію святому помолиться.

— Паспортъ есть?

— Есть.

— Покажи.

— Вотъ онъ. Читай.

— Ты какого на базарѣ преступника искалъ?

— Да который у насъ въ Олекмѣ жилъ, царскаго преступника-я искалъ.

— Какъ его фмилія?

Иванковъ назвалъ мое имя и фамилію. Бараповъ меня хорошо зналъ; зналъ онъ, гдѣ я живу и мѣсто моей службы. Поэтому онъ далъ Иванкову мой подробный адресъ. Но Иванковъ, незнакомый съ городомъ, запомнилъ только малый базаръ, на которомъ онъ и встрѣтился съ моей дочерью.

На слѣдующій день Иванковъ рано утромъ отправился въ Вознесенскій монастырь, гдѣ разыскалъ епископа Агаангела, которому заявилъ о своемъ желаніи поступить въ монастырь:

— Ваше превосходительство! Ты меня прими въ монастырь, я хочу богу Иннокентію молиться.

Иванковъ былъ назначенъ послушникомъ къ старцу Федору. Старецъ принялъ его сурово, молчаливо.

Наступилъ вечеръ.

Старецъ далъ Иванкову 3 рубля и приказалъ:

— Иди въ деревню, купи мнѣ водки двѣ красоули, два фута колбасы, сыру голландскаго да зайди въ домъ около лавченки и скажи теткѣ Аксиньѣ, чтобы она сейчасъ же шла къ старцу помы мыть.

Иванковъ все исполнилъ въ точности. Явилась тетка Аксинья, но половъ она не мыла, а сидѣла со старцемъ, пила водку и колбасой закусывала.

— Ты, братскій, иди къ вечернѣ, молись Богу, мнѣ тутъ больше не нуженъ,—распорядился старецъ.

По возвращеніи отъ вечерни Иванковъ нашелъ пьянымъ и старца и тетку Аксинью.

— Нехорошо, ваше высокопочтеніе, чтобы пьяная бабка была у тебя въ кельѣ до поздней ночи,—сказалъ возмущенный Иванковъ старцу.

— Дуракъ! Не ваше высокопочтеніе, а ваше высокопреподобіе,—поправилъ старецъ. Да ты что же братская харя, вздумалъ меня еще учить? Вотъ тебѣ, скотина!

И развѣсистая оплеуха прозвенѣла по фізіономіи Иванкова.

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ!—кричалъ старецъ.

И новыя оплеухи...

Первую ночь Иванковъ переночевалъ въ монастырской столовой.

На слѣдующій день повлорилась та же исторія. Такъ продолжалось почти съ недѣлю. Иванковъ все терпѣлъ, объясняя это испытаніемъ свыше.

Но всему бываетъ конецъ. Возмущенный до глубины души поведеніемъ старца, явился Иванковъ къ Агаѳангелу и сказалъ:

— Ваше превосходительство! Старецъ-то Ѳеодоръ вовсе не святой человѣкъ, а шибко пьяница, бьетъ меня, съ бабой гуляетъ, а мнѣ не даетъ молиться Богу по ночамъ. Напрасно я сюда пріѣхалъ. Надо было дома молиться, а не здѣсь. Согрѣшилъ я, грѣшный: осуждаю этого старца. Да онъ, ваше превосходительство, хуже нашего исправника. Исправникъ у насъ, въ Олекмѣ, такихъ пѣсенъ не поетъ, какія поетъ старецъ съ пьяной бабой. Онъ живетъ у бога Иннокентія, и ему не надо водки пить, и съ потаскухами-бабами якшаться. Старецъ долженъ Богу молиться, душу свою спасать. Къ лицу развѣ ему пьяному пѣть: „Ужь ты, Марья, ты, Марья моя; раззадорила—задорила меня“! Богъ-то Иннокентій все видитъ; онъ убьетъ его, старца-то. И я сдѣлался теперь большимъ грѣшникомъ, потому что осуждаю его... Господи помилуй меня!..

Владыка Агаѳангелъ, убѣдившись, что старецъ Ѳеодоръ, дѣйствительно, пошаливаетъ и причиняетъ великій соблазнъ и безъ того нетвердому въ христіанскихъ воззрѣніяхъ Иванкову, велѣлъ помѣстить его въ столовую.

Здѣсь Иванковымъ уже распоряжались все монахи и послушники, послали его за водкой и полемойками.

— Эй! Братская морда, вотъ тебѣ 50 копеекъ, купи на рубль водки и сейчасъ же сюда маршь!

— Какъ же я, ваше почтеніе, могу купить водки на рубль, коли ты далъ мнѣ только полтину?

— Не разговаривай,—кричалъ послушникъ. Да не забудь, братская образина, десятокъ папиросъ прихвати, только хорошихъ. Понялъ, дуракъ?

Издѣвательства по адресу Иванкова сыпались каждый день, а когда онъ приносилъ не тѣхъ папирозъ, какія по- треблялись „ихъ почтеніями“, то за это исправно получалъ въ шею.

— Для Бога, значитъ, терплю—говорилъ Иванковъ.

Но скоро и здѣсь его терпѣніе лопнуло.

У Иванкова, отлучившагося какъ-то въ Иркутскъ, украли мѣдный чайникъ, сахаръ и киришчъ чаю. Возвратившись въ свою столовую, возмущенный кражей, Иванковъ кричалъ:

— Воры, мошенники, пьяницы, каторжные, зачѣмъ у меня чайникъ украли? Чайникъ стоитъ 4 р. 50 к., а вы его, пьяницы, украли. Побойтесь вы Бога-то! Вы у него, батюшки, живете, молитесь. Нѣтъ вы не молитесь, а только водку пьете да съ бабами путаетесь, атихристы, вы, окаленные!

— Ты это что, братская морда, ругаешься-то,—сказалъ одинъ послушникъ, подойдя къ Иванкову.

— Воры, мошенники, пьяницы! Чайникъ украли!

— Кто же это, братская образина, воры то?

— Вы, вы!

Въ результатѣ опять оплеуха.

Но Иванковъ, войдя въ азартъ, продолжалъ кричать:

— Воры, воры, мошенники, пьяницы!

— Бей его!—кричала братія.

Послѣ избіенія Иванковъ ночевалъ на полу, не раздѣваясь.

Рано по утру Иванковъ, лежа на полу, думалъ:

— Гдѣ-же хорошіе люди, гдѣ живутъ по правдѣ, а есть, должно быть. Почему это у бога Пиннокентія все худые люди?

Этого вопроса Иванковъ рѣшить не могъ и пошелъ къ владыкѣ Агаангелу съ намѣреніемъ взять паспортъ и ѣхать обратно въ Олекму.

— Буду дома молиться,—говорилъ онъ по дорогѣ къ настоятелямъ.

— Ваше превосходительство!—сказалъ Иванковъ Агаангелу. У васъ все воры, все мошенники, все пьяницы, чайникъ украли, били меня; видишь, что они сдѣлали со мной, это все они наставили мнѣ синяковъ и кровоподтековъ. Развѣ я не такой же человѣкъ, какъ и они. У Бога все равны, мнѣ это архирей Макарь говорилъ. Давно это было, давно. Онъ у насъ мясо ѣлъ.

— А ты, ваше превосходительство, колбасу ѣшь? — неожиданно задалъ вопросъ Иванковъ.

— Я монахъ, мнѣ мяса ѣсть нельзя.

— А почему нашъ архирей ѣлъ?

— А ты водку пьешь?

— А бабы къ тебѣ вечеромъ ходять?

— Послушника своего бьешь?

Владыка потерялъ терпѣніе выслушивать подобный вздоръ Иванкова и сейчасъ же предложилъ ему уходить, куда ему угодно:

— Кляузникамъ не мѣсто въ обители.

— Ты, ваше превосходительство, за что на меня сердился? Я развѣ тебя обидѣлъ? Я ищу правды, справедливости и суда по душѣ, а ты за это называешь меня кляузникомъ. Если бы тебѣ, ваше превосходительство, поваръ Васька или пьяница Перфишка побилъ морду, такъ ты бы что заговорилъ? Если собаку бьютъ палкой, она визжитъ, потому что больно. Я — человекъ! — крикнулъ Иванковъ, громко протестуя противъ несправедливаго обвиненія и вышелъ изъ прихожей владыки.

Дорогой Иванковъ разсуждалъ про себя.

— У бога Иннокентія люди живутъ не по правдѣ, какъ и въ Олекмѣ. Почему же это такъ? Я думалъ, что чѣмъ ближе къ бѣлому царю, тѣмъ люди лучше и добрѣе, а на дѣлѣ выходитъ иначе. У насъ въ Олекмѣ царскіе преступники все хорошіе, а вѣдь они преступники; значить ихъ царь сослалъ къ намъ за то, что они ему сдѣлали зло какое-то; если ужъ они хороши, то не преступники должны быть еще добрѣе и справедливѣе ихъ. Гдѣ же найти такихъ людей, которые по правдѣ живутъ?

Съ такими мыслями Иванковъ явился неожиданно, негаданно ко мнѣ.

— А ты меня не выгонишь? — обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ.

— Я буду жить у тебя, воду таскать, дрова колоть, ты за это меня не прогоняй. До весны проживу, а тамъ на повозкахъ уѣду въ Олекму, тамъ ужъ и буду молиться. Здѣсь, въ Иркутскѣ, у васъ люди все злые, только и словъ „братская морда, братская харя, братская образина“ и какъ-то все норовятъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ дать по шеѣ. А вѣдь у Бога все одинаковы, все равны, что якутъ, татаринъ, то и русскій. Съ якутами лучше жить, они меня не оскорбляютъ, не бьютъ, а когда я

шаманю, они всего мнѣ дають и сѣна и телку, а другой даже и лисицу огневу.

— Неужели ты, Иванковъ, будешь еще шаманить?

— Буду, буду,—отвѣчалъ мнѣ Иванковъ.

— Да ты православный, русскій, олекминскій крестьянинъ?

— Ну, что же изъ этого; вѣдь ты пойми, что съ якутами лучше жить....

Передо мной стоялъ во весь ростъ искатель правды, разбитый въ своихъ лучшихъ надеждахъ, оплеванный и униженный.... Это дитя природы, съ врожденной яркой искрой правды и наивностью честнаго, неспорченнаго дикаря.

Мнѣ было жаль его, жаль до глубины души....

М. Овчинниковъ.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯ, ПОСЛАННАГО ОТЪ
22 МАРТА СЕГО ГОДА, НАЧАЛЬНИКУ ПЕКИНСКОЙ МИС-
СИИ ОТЦУ АРХИМАНДРИТУ ПАЛЛАДИЮ. 1).

По секрету и по долгу присяги, чистой священнической христіанской совѣсти.

Пріемъ и житіе въ Ургѣ перваго Пекинскаго Миссіонера, командированнаго для отправленія Богуслуженія и Христіанскихъ требъ.

Выѣхавъ изъ Пекина 28 Августа 1865 года, я путешествовалъ до Урги одинъ безъ проводника и переводчика, по владѣніямъ Китая, по дикимъ и пустыннымъ, Гобійской и Монгольской степямъ круглый мѣсяць, питался надеждою, приплывъ къ тихому пристанищу, найти укромный уголокъ, русское радушіе и кусокъ хлѣба, растворенный любовью. 28 Сентября Богъ судилъ мнѣ благополучно пріѣхать въ Ургу.

Первое впечатлѣніе.

Консулъ Урги, титулярный совѣтникъ, Яковъ Парфенычъ г. Шишмаревъ, съ супругой своей Маріей Николаевной г. Шишмаревой, приняли меня весьма холодно. Потомъ повели меня въ жилище, приготовленное для меня. Боже мой! что это?—Грязная, немытая и невыветенная комната, съ тремя же столомъ, четырьмя стульями и кроватью. Вся исполнена блохъ, вшей, клоповъ и таракановъ, какъ необходимаго наслѣдія послѣ жительства монголовъ. Два окна

1) Отправлена въ Сундѣ, Митрополиту и Оберъ-Прокурору.

на дворъ, съ выбитыми стеклами, гдѣ во вѣки не бываетъ солища, подъ окнами же цѣлыми кучами соръ, навозъ и помои. Переночевавъ, какъ посмотрѣлъ я на новое шерстяное одѣяло, Боже мой! все усыпано блохами, какъ макомъ. Посмотрѣлъ на сорочку,—и сорочка изъ бѣлой за ночь сдѣлалась чисто ситцевая. Ну, видно, что ожидали священника. 2) Что тутъ-то дѣлать? Дѣло то такого рода, что совѣстно и хозяину говорить, чтобы и себя да и его не сконфузить. Приходить ко мнѣ по утру Секретарь Василій Антоновичъ г. Борзаковскій, которому я не утерпѣлъ, чтобы не пожаловаться на такое неудобство помѣщенія. Г. Секретарь, принимая участіе въ моемъ положеніи, со вздохомъ и соболѣзнованіемъ сказалъ: „да знаете-ли, отецъ Се- гбѣй, гдѣ для васъ была приготовляема квартира?

—А гдѣ?

--Въ кухнѣ, гдѣ окна до половины забиты навозомъ, столъ, двѣ скамейки, да полуразвалившаяся печь съ плитою. Вѣрите, какъ благородному человѣку, что и этой-то квартирой вы обязаны мнѣ.

Не могу умолчать, что консулъ не стыдился говорить мнѣ лично, что онъ назначалъ для помѣщенія моего кухню. Не утерпѣлъ я, чтобы не посмотреть, да и посмотрѣлъ. Видно, что ожидали священника. Теперь въ той кухнѣ живутъ чернорабочіе, и какъ сказано. Ну, полжизни нужно, дѣлать нечего, а если либо Богъ поможетъ пріютиться куда-либо, хотя и въ маленькій, но чистенькій уголокъ. Живу недѣлю, другую и третью; хозяева не догадываются 3). Стало быть, нужно хлопотать:—дети не плачутъ, мать не разумѣетъ. Дѣлаю предложеніе консулу, и прошу его покорно помѣститъ меня, хотя въ передней, гдѣ проѣздомъ черезъ Ургу ночевали мы съ отцемъ Геронтіемъ. Консулъ, разовъ съ десять сдѣлавъ —гм, гм, гм, да-а-а-а, тамъ неудобно, а-а-а-а, вотъ, неудобно ли на этой сторонѣ такая же передняя, да кстаи тутъ же и церковь. Чему я сердечно обрадовался; по крайней мѣрѣ—два окна на полдень, да чистенькая комната. Не прошло и двухъ дней, какъ отрядный командиръ объявилъ мнѣ, что печь эта болѣе казенными дровами отапливаться не будетъ, а потому неудобно-ли позаботиться купить свихъ дровъ, да поскорѣе. На столъ безцеремонное предло-

2). Меня всѣ называютъ священникомъ.

3). Консулъ.

женіе, я командира пригласилъ присѣсть, посудить, да поговорить, и началъ съ нимъ такую рѣчь:

—Переднія эта составляетъ прихожую церкви?

—Такъ, точно-съ.

—А кто долженъ отоплывать церковь,—священникъ, или консульство?—Я думаю, что консульство.

—И я думаю точно также.

—А какъ же вы запретили отпускатъ дрова, и приказываете мнѣ поскорѣе закупить дровъ? Если бы консуль отдалъ мнѣ всю эту квартиру, тогда бы я отоплывалъ ее, настоящее же время мнѣ отоплываться и церковь отоплывать—безъ малаго что конфузится нужно консульство.

— Такъ, точно-съ.

—Такъ вы подумайте объ этомъ предметѣ получше. Вотъ, : меня нѣтъ помѣщенія и для человѣка,—ни кухни, ни кладовой, и совершенно никакихъ удобствъ, такъ что и вещей положить негдѣ. Пока лежать онѣ въ Молитвенномъ Домѣ, по тамъ лежать имъ всегда неприлично.

— Такъ, точно-съ.

—На другой день консуль явился ко мнѣ съ предложеніемъ, не угодно-ли мнѣ перебраться во флигель, гдѣ должна быть и церковь. Чему я былъ радъ и благодаренъ ему, о чемъ писалъ и вамъ,—что судьба неожиданно устроила меня. Во флигелѣ я устроился очень хорошо, и Молитвенный Домъ на своемъ мѣстѣ. Все это видѣлъ проѣздомъ отецъ Исая; и вотъ какими судьбами попалъ я во флигель. Здѣсь все содѣйствіе, и вниманіе, и благодеяніе консула. Слѣдовательно, чтобы пояснѣе было: по пріѣздѣ въ Ургу и по нѣе время, воспользовался я отъ консульства такими благодеяніями: два дня напоили меня чаемъ, дали одну салютную пятериковую свѣчку, да негдѣю ходилъ ко столу, и потому только, что и за деньги негдѣ купить и ломтя хлѣба, гдѣ на опытъ Богъ судилъ мнѣ испытать, куда какъ горекъ чужой хлѣбъ! Но я себя веду такъ, какъ будто ничего не понимаю и не замѣчаю.

Виновать, осталось за мною еще одно благодѣяніе: съ честью возили мнѣ воду на мой дворъ кругло три мѣсяца. Съ января же мѣсяца, когда морозы зашли за 30 градусовъ, перестали и воду возить. Что тутъ-то дѣлать?—Лошадь или быка купить негдѣ, водовоза нанять негдѣ, купить воды негдѣ. Правда, можно было бы покупать воду у отрядныхъ монголовъ, которые имѣютъ лошадь, и возить на ней воду для себя; но эти безбожники и за деньги не согласались обезпечивать меня водою, которая на разстояніи 7 верстѣ

отъ консульства. Болѣе ничего не оставалось, какъ только просить содѣйствія у консула. Посылаю письмо, въ надеждѣ облегченія. Но что же въ отвѣтъ на это? У консула достало духу, не принявъ письма, прогнать человѣка съ приказаніемъ, чтобы онъ никогда не смѣлъ принести ему писемъ отъ священника. Слуга мой возвратился, повѣсивши голову, и все рассказалъ. 4). Но, несмотря на это величайшее прискорбіе, я опять пошелъ тѣмъ же путемъ, какъ будто ничего не знаю и не понимаю. Вотъ напримѣръ: былъ у насъ отецъ Иссія; а что онъ замѣтилъ? Ровно ничего, а вмѣстѣ обѣдали и ужинали у консула. Это мое безусловное терпѣніе—никому ничего не говорить до времени. Все хорошо, и дѣлу конецъ. Пробиваюсь кое-какъ,—то ледку, то снѣжку слуга принесетъ. Но вотъ, Богъ милостивъ, скоро у меня будетъ и быкъ свой, съ монгольской повозкой и сбруей, тогда и это лишеніе восполнится. Но замѣчаю, что благоугодіе мое нерѣдко заставляетъ конфузиться г. консула. Полагаю, что есть здѣсь что-либо извнѣ. Вы, можетъ быть, лучше меня отгадаете.

Условія жизни ургинской требуютъ непременно имѣть свою лошадь съ повозкой для выѣзда въ Курень, Маймачень 5) и по окрестностямъ для знакомства съ монголами, такъ какъ нанять негдѣ, а отъ консульства и ожидать нечего, хотя пѣшкомъ иди въ Курень за 7 верстъ, все равно, такъ какъ ни разу не дали мнѣ лошади;—пужно быка для воды, но для него нужно и сѣно. А гдѣ ихъ поставить, гдѣ отъ дождей укрыть дрова? Нѣтъ ни сарайчика, нѣтъ ничего. Вотъ устроился въ одномъ флигелѣ; это стоитъ мнѣ съ кухнею 60 руб., да и церковь вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Она уже освѣщена четырьмя таинствами: крещеніемъ, причащеніемъ, покаяніемъ и бракомъ—пребываніемъ въ ней св. запасныхъ даровъ, св. мѣра и св. антиминса, да и христіане всѣ привыкли къ ней. Теперь же консулъ выживаетъ меня въ другой флигель, потому только, что мою квартиру хочетъ занять отрядный командиръ 6) Безъ возраженія я перейду, но прошу исправить печи, во избѣжаніе пожара, которыя почти развалились, да оприличить хотя сколько-либо комнату, куда консулъ приказываетъ перенести Молитвенный Домъ, такъ какъ она вся загажена гряз-

4). Изъ этого можно заключить, что консулъ желалъ видѣть въ миссіонерѣ своего раба.

5) Слободы въ 7-ми верстахъ отъ консульства.

6). Монголо-буряты язычники.

ными монголами. Что же касается до церкви, — из моей души тяжело видѣть, какъ поверхностно обращаются со святыней.

Въ настоящей моей квартирѣ, подъ праздниѣ Рождества Христова, было случился пожаръ въ кухнѣ отъ плиты, которая сложена на одинъ кирпичъ отъ деревянной стѣны. Плита была разломана, пожаръ потушенъ, но плиту сложили мой человекъ, какъ умѣлъ, а консулу, какъ хозяину, и дѣла нѣтъ; поговорили о пожарѣ, да и замолчали; а что въ другомъ флигелѣ, куда выживалъ меня консулъ, точно также сложена плита, опять никому и дѣла нѣтъ. Словно, въ Ургѣ люди не живутъ, а отживаютъ. Были и такіе случаи, по новости, не собравшись съ силами на хозяйство, пробовалъ посылать на кухню консульскую — попросить лопотъ хлѣба взаймы, какъ говорится, такъ какъ печенаго хлѣба купить негдѣ; но оттуда приходили ни съ чѣмъ, а съ однимъ отвѣтомъ: „барыня ничего не приказала отпускать священнику“, и спасибо вольнонаемнымъ казакамъ христіанамъ: въ нуждѣ выручали меня. Консулъ, съ самаго прїѣзда моего, хотѣлъ навѣсить замокъ на мои ворота, съ тѣмъ, чтобы отрядный начальникъ замыкалъ каждодневно въ 8 часовъ вечера и бралъ къ себѣ ключъ; по утрамъ же свидѣтельствовавъ и отмыкавъ бы — не попорченъ ли замокъ, хотя вся задняя сторона консульства прегорожена была вмѣсто заборовъ жердями и хотя прочіе ворота не только не запирались, за неимѣніемъ крюковъ и петель, но, до прїѣзда моего, никогда и не было подобнаго распоряженія. О чемъ довольно разсуждая съ консуломъ, въ заключеніе я счелъ за униженіе для моего сана согласиться на подобное предложеніе. Велѣдствіе чего консулъ и долженъ былъ сознаться въ своихъ неумѣстныхъ предпріятіяхъ. Окрестилъ сына, но они, по гордости своей, за низкое сочли сказать и обыкновенное спасибо. За деньги же 150 руб., 7) истраченныя мною на путевыя издержки, жена его почти выцарапала мнѣ глаза: куда такъ много издержалъ я денегъ, несмотря на то, что я еще купилъ на свой счетъ повозку за 50 руб., и содержалъ себя цѣлый мѣсяцъ. А, между тѣмъ, все-таки живемъ, да пускай, хотя добрыя люди не знаютъ, — и за то слава Тебѣ, Господи!

7) Проѣздъ изъ Пекина былъ на счетъ консульства

О Молитвенномъ Домѣ.

Съ невыразимымъ потрясеніемъ сердца я долженъ сказать, чтобы къ Дому Молитвы не оказано никакого ни усердія, ни благоговѣнія. По приѣздѣ, я нашель Молитвенный Домъ невымытый, загрязненный монголами. Хлопоталь, хлопоталь, чтобы вымыть, и наконецъ предъ самую первую службу едва нашель двухъ казаковъ, которые, спасибо, послушались и вымыли. Нѣтъ иконъ,—поставилъ свои, нѣтъ подсвѣчниковъ,—поставилъ свои; нѣтъ коврика,—послалъ свой дорожный войлокъ; нѣтъ колець и замка Молитвеннаго Дома, дабы монголы, по привычкѣ, не плялись толпами,—купилъ на свои деньги. И это ли усердіе создателей къ храму Божію и къ Дому Молитвы! Вотъ за полгода едва, едва выпросилъ двѣ иконы да коврикъ. Пришла зима,—понадобились мнѣ подсвѣчники, просилъ, просилъ у строителей на бумагѣ храма, и наконецъ, вынужденъ былъ купить на свои деньги два подсвѣчника, которые и по днесъ стоятъ на столѣ въ Домѣ Молитвы.

Сначала былъ прикомандированъ къ Молитвенному Дому человекъ, въ родѣ церковника, съ небольшимъ жалованьемъ, въ которомъ, впрочемъ, скоро было ему и отказано. Вслѣдствіе чего я долженъ былъ замѣнить слугу отъ консульства своимъ человекомъ, и безъ всякаго уже вознагражденія за трудъ со стороны консульства. Всегда служу, пою и читаю почти одинъ. Приспособилъ одного изъ учениковъ и давалъ ему въ награду за то по 2 руб. ежмѣсячно; но и тотъ нынѣ трбуетъ отъ меня болѣе положительнаго жалованья, а кромѣ его не за кого и взяться. Позаботиться же объ этомъ дѣлѣ никто не хочетъ, какъ показываетъ самое дѣло. Всѣ христіане, всѣ купцы приѣзжіе и преѣзжіе дивятся да и только. На Пасхѣ было очень довольно приѣзжихъ купцевъ, и всѣ не могли надивиться, что я одинъ совершаю все богослуженіе. Дрова для отопленія Молитвеннаго Дома были выдаваемы цѣлую зиму не безъ огорченій. Командиръ язычникъ завѣдываетъ всею хозяйственною частью. Посылаю къ нему за дровами и въ отвѣтъ получаю: „а гдѣ я буду брать для него дровъ?“ Посылаю въ другой: приходитъ командиръ (на моемъ дворѣ лежали казенныя дрова), откладываетъ четыре полѣна съ приказаніемъ: „вотъ вамъ четыре полѣна, чтобы было на два мѣсяца, болѣе двухъ разъ въ недѣлю отнюдь не топить“.

По приѣздѣ моемъ, я сталъ обращаться съ просьбами къ консулу; но онъ принялъ такую политику: сначала сдѣлать разовъ — десятокъ: гм-гм-гм — да-а-а-а, и

потомъ уже услышишь отъ него: „обратитесь къ отрядному“. Хорошо-съ, обращаюсь къ отрядному, а тотъ, какъ язычникъ, не хочетъ обращать и вниманія на мои просьбы. Но нѣтъ худа безъ добра. Тотъ не воинъ, кто бѣжитъ съ поля сраженія. При такой обстановкѣ, необходимость заставила меня покориться всему и выдержать себя достойно назначенію, а тѣмъ болѣе въ такой странѣ, гдѣ только этимъ и можно споспѣшествовать всему. При стеченіи подобныхъ обстоятельствъ у меня начинается выработываться такой взглядъ на христіанъ зъ консульствѣ: если затѣяли строить прековъ, есть на лицо и священникъ, въ такомъ случаѣ не мѣшало бы усиливать и русскій христіанскій элементъ. Полагаю, что *Высшее Начальство* о развитіи только этой мысли и заботится. На дѣлѣ же какъ посмотришь, что въ отрядѣ, состоящемъ изъ 23 человекъ, только три христіанина, а прочіе и начальник—все язычники; да еще какъ и тѣ жалкіе придутъ ко мнѣ просить защиты отъ притѣсненій, то невольно рождается гонимое: по какому случаю Русское Консульство набито язычниками, и вполнѣ преобладаетъ монгольскій элементъ надъ русскимъ? Обратите на это вниманіе, Ваше Высочайшее. Въ царскіе дни на молебень являются только три русскихъ казака, почему и случалось спросить: гдѣ же прочіе? Ушли въ Курень на поклоненіе быгѣну или Майдэру 8) Что-жъ? Правы и во всемъ правы. Они язычники, они знаютъ и религію свою. По своей религіи, они смотрятъ съ какимъ-то негодованіемъ и на русскихъ,—опять не виноваты, не виноваты потому, что ихъ посылаютъ. А консулу прежде всего слѣдовало бы обратить на это строгое вниманіе.

Описываю Вашему Высочайшему обстоятельству, сопровождающія мою жизнь въ Ургѣ, не потому, чтобы я предавался скорби, или жаловался Вамъ. Нѣтъ, я поставилъ для себя задачей,—во что бы то ни стало, и какъ бы-то ни было—заставить себя быть ко всему благодушнымъ и равнодушнымъ. Пишу же потому, что Вы есть Начальникъ, которому нужно знать и видѣть не одну поверхность, не одинъ лоскъ, а самую суть, всю сокровенность, дабы Вы, получивъ власть отъ Бога и отъ правительства, могли судить обо всемъ безошибочно, и прошу Васъ покорно принять только къ свѣдѣнію Вашему.

8). Языческіе боги.

Я же въ Ургѣ желаю жить и служить вѣрою и правдою. Высоко цѣню мою службу и дорожу ею. Молю Господа, чтобы Онъ вразумилъ меня быть полезнымъ, сообразно съ назначеніемъ нашимъ. Въ Ургѣ меня приковываетъ, за исключеніемъ климата, природы и простору, особое какое-то чувство. Всего же дороже для меня то, что христіане всѣ преданы мнѣ, какъ родные мои дѣти, и почитаютъ меня, какъ отца. Впрочемъ, я ихъ во всемъ предупреждаю, и какъ бы предрасполагаю къ тому. Придерживаясь слова Божія, чувствую, что можно стоять такъ твердо, какъ градъ непреборимъ. Сынъ Божій приходилъ на землю не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить для всѣхъ. Молю Всевышняго Создателя, прошу и Вашихъ Святыхъ молитвъ, чтобы подобное настроеніе въ душѣ моей развивалось болѣе и болѣе, и принесло бы хотя скудный, но духовный плодъ.

Церковь наша начнетъ строятся еще, быть можетъ, годъ черезъ два, или черезъ три, или лучше никто не знаетъ когда. Что же касается до Молитвеннаго Дома, то едва ли еще и будетъ онъ строиться.

Можетъ быть, я своею откровенностію навѣялъ на Вашу благородную душу непріятное впечатлѣніе,—прошу покорно извинить меня изъ разумнаго сознанія. По моему убѣжденію Вамъ, какъ Начальнику, нужно знать все, и болѣе ни кому.

Съ подлиннымъ вѣрно:
Иеромонахъ Сергій,
Членъ Пекинской Д. Миссіи.

22 марта 1866 года.

Урга.

ИРКУТСКІЙ ХЛЕСТАКОВЪ.

(„Секретный посланникъ“).

Въ 1860 году по „важной“ подорожной пріѣхалъ въ Иркутскъ въ блестящемъ гвардейскомъ мундирѣ нѣкто Владиміръ Петровичъ Оедоренко. Сдѣлавъ нужные визиты по главному начальству и именитымъ гражданамъ города, пріѣзжій вошелъ въ мѣстное аристократическое общество, какъ свой человѣкъ. Располагая значительными деньгами, Оедоренко началъ задавать балы, обѣды, пикники, на которыхъ присутствовало все лучшее общество Иркутска. Генералы, полковники, купечество постоянно гостили у него. Любезный и гостепрійный хозяинъ-гвардеецъ былъ ко всѣмъ всегда ласковъ, предупредителенъ, умѣлъ каждому сказать

что-нибудь приятное. Его наружность, общій тактъ поведенія выдавали въ немъ человѣка бывалаго въ хорошемъ кругу, онъ всёмъ нравился. Кто онъ, откуда, зачѣмъ пріѣхалъ и для чего никто не зналъ, всё только сознавали, что это какая-то важная персона. Тихонько передавали, что онъ секретный правительственный посланникъ. Спросить его о цѣли пріѣзда въ Иркутскъ всё считали неприличнымъ и, откровенно говоря, побаивались его. Да и зачѣмъ спрашивать и знать, кто онъ такой. Его жизнь, поведеніе, а главное трата денегъ на угощеніе доказывали, что онъ человѣкъ не изъ простыхъ смертныхъ и вотъ большинство предъ нимъ работиствало, стараясь сдѣлать ему что-нибудь приятное; у каждаго была въ головѣ мысль: „а что, если найдетъ о чемъ-либо донести въ Питеръ?“

Истративъ крупную сумму денегъ, важный сановникъ началъ брать займы у иркутскихъ знакомыхъ порядочныя суммы—„пока не переведутъ изъ Питера“—и временно поддерживалъ свою роскошную жизнь, угощая однихъ за счетъ другихъ. Не дать ему знакомые не могли, потому что: какъ „ему“ не дать, вѣдь „онъ“ „не изъ простыхъ“

Вдругъ по городу пошелъ слухъ, что „онъ“ хочетъ ѣхать для обозрѣнія Якутскаго края; дѣйствительно, онъ уѣхалъ. Слухъ о поѣздкѣ важной особы шелъ далеко впередъ его. На Ленѣ всё, считая его за высшую правительственную особу, воздавали ему всевозможныя почести, встрѣчали торжественно при колокольномъ звонѣ, чему много содѣйствовала блестящая гвардейская форма, которой на Ленѣ никто никогда и не видалъ. По неизвѣстнымъ намъ причинамъ Осдоренко съ полпути возвратился назадъ, можетъ быть, ему надоѣло „ломать“ изъ себя важную особу, а, можетъ быть, онъ успѣлъ пополнить свой кошелекъ; только онъ вновь появился въ Иркутскѣ.

Вновь пиры, обѣды, шикъ, шампанское разливной рѣкой.. Затѣмъ, онъ начинаетъ увлекаться картежной игрой... Однажды въ разгарѣ спора о невѣрномъ ходѣ полковника С. стрѣляетъ въ него изъ револьвера и тяжело его ранитъ. Общество заволновалось, полиція осмѣлилась спросить, кто онъ, откуда, по какимъ документамъ? Корнету волей-неволей пришлось раскрыть свое инкогнито. Онъ оказался просто искателемъ приключеній отставнымъ корнетомъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи по фальшивой подорожной.

Понятное дѣло, что „корнетъ“ изъ своего палатца вскоѣбъ былъ переселенъ въ тюрьму; общество въ конфузѣ, что позволило себя поддѣть на удочку и ради денегъ принимало

его за секретнаго посланника и боялось промолвить про него лишнее слово.

Седоренко и въ тюрьмѣ жилъ приѣвѣваючи, такъ какъ матушка его, богатая генеральша-помѣщица, часто посылала ему деньги. Въ его камерѣ въ большихъ кадяхъ зимою и лѣтомъ красовались зеленые сосновыя деревья, со стола не сходили дорогія вина и закуски, а узникъ все время лежалъ въ качалкѣ, мечтая о прошломъ, когда онъ приѣхалъ въ Иркутскъ, какъ сумѣлъ ловко поставить себя въ обществѣ, какъ его со звономъ встрѣчали при поѣздкѣ на Лену....

Но скоро матушка перестала высылать субсидію, тогда вина сошли со стола и началась другая жизнь. Узникъ началъ молиться, часто посѣщать тюремную церковь, пожертвовалъ на позолоту нѣкоя часть имѣвшейся у него серебряной посуды, пожертвовалъ въ церковь и свои шкарныя кресла. По старому знакомству съ купцами набралъ у нихъ ковровъ и устлалъ ими церковь, а когда кунцы пришли получать за нихъ деньги, онъ ихъ выгналъ.

Здоровье его стало мало по малу ухудшаться, онъ надѣялся получить свободу, тѣмъ болѣе, что сидѣлъ уже около двухъ лѣтъ, а тутъ пришло рѣшеніе суда о ссылкѣ его въ Тобольскую губернію на поселеніе. Этому онъ не могъ вынести и заболѣлъ,—послѣдніе дни своей жизни провелъ въ нищенскомъ положеніи на больнично-арестантской койкѣ, что представляло большую разницу съ его бурно прожитой жизнью.

21 мая онъ принялъ едеосвященіе, а 23 умеръ. Простой деревянный больничный гробъ былъ поставленъ на дроги, которые везла на кладбище старая, уставшая лошадь, а рядомъ съ дрогами шли два тюремныхъ служителя для засылки могилы, разсуждая о бренности всего земнаго, что вотъ два года тому назадъ покойникъ былъ красною обдѣлкомъ, всѣ предъ нимъ заискивали, а теперь и проводить некому... Встрѣчавшіеся простолюдины снимали шапки и крестились, говоря: „кого-то везутъ“?

Н. Мокшевъ.

СТАРИННАЯ СВАДЬБА ВЪ С. РЫБИНСКОМЪ КАНСКАГО УѢЗДА, ВИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ.

1 Святосство.

Лѣтъ 40 тому назадъ въ с. Рыбинскомъ свадебныя церемоніи были другими по сравненію съ нынѣшними временами.

Собираются мать и отец жениха, берутъ близкую съ своей стороны, т. е. или сестру или тетку,—потомъ берутъ 2 человѣкъ съ той квартиры, въ которой останутся, когда придутъ въ деревню, гдѣ живетъ невѣста. Приходятъ къ невѣстѣ, помолются Богу и говорятъ:

— Здравствуйте!

Имъ отвѣчаютъ:

— Пожалуйте, пожалуйте!

— Мы съ добрыми дѣлами да со сватаньемъ. Не отдадутъ ли здѣсь замужъ Марію Ивановну за Ивана Ивановича.

Въ отвѣтъ на это хозяева предлагаютъ гостямъ присѣсть подь матку *).

Садятся. Сидятъ молча, какъ бы въ раздумьѣ. Затѣмъ снова спрашиваютъ:

—Что же вы намъ скажете?

— А вотъ самоварчикъ поставимъ, чайкомъ напоимъ, вотъ тогда и поговоримъ о дѣлѣ,—отвѣчаютъ родители невѣсты.

Ставятъ самоваръ.

За чаемъ сваха и отецъ съ матерью хвалятъ сына, хозяйство и увѣряютъ, что невѣстѣ у нихъ житье будетъ хорошее.

— Ты, матушка,—обращается къ невѣстѣ будущая свекровь,— не подумай, что ты будешь у меня за мѣсто невѣстки; ѣтъ, ты будешь у меня родимой доченькой. Дѣлать то я, матушка, сама все могу, сама въ силахъ, сама все сдѣлаю, утромъ будить рано не буду. И не подумай, родимая сватьяшка, что я все вру.

— Да я, голубушка, много чула **) про тебя хорошаго да только какъ женихъ понравится невѣстѣ.

— Мы покажемъ жениха, онъ у насъ съ собой.

— Да вы идите домой,—говорятъ родители невѣсты,—а мы подумаемъ.

Гости удаляются, а часа черезъ два опять приходятъ и повторяютъ тотъ же разговоръ.

— Ну, что же, сватьяшка родимая,—говоритъ мать невѣсты,—вѣкъ прожить—не поле переѣхать. Вѣдь она у насъ не все умѣетъ, не всему научена, а съ нее все взыщется.

Сваха.

—Что ты, родимая сватьяшка, да я тебѣ говорю, что ничего этого не будетъ.

*) Маткой или матицей называется потолочная балка.

**) Т. е. слышала.

— Да у нея и лопати ***) мало, не все справлено.

— Мы знаем,—говорит сваха,—весь вашъ родъ и не за лопатю гонимся и не она намъ нужна, а человекъ!

Семья невѣсты въ это время какъ бы совѣтуется между собой:

— Ну, что, какъ будемъ рѣшать?

Затѣмъ, обращаются къ невѣстѣ:

— Ну что же, Маша, мы хотимъ тебя просватать.

Невѣста начинаетъ плакать и говорить:

— Да что я вамъ надобла что ли?

— Да что же, Машенька, время пришло, что же держать, жениха хвалаять, вотъ приведуть—посмотришь.

— Ну, что же, какъ хотите, вы больше знаете,—говорить невѣста.

Послѣ этого сваха уходитъ за женихомъ. Когда женихъ приходитъ, повторяется этотъ же разговоръ. Наконецъ, невѣста даетъ согласіе:

— Что же, вы больше знаете...

А если женихъ ей не нравится, то сейчасъ же отказываютъ.

2. Рукобитье.

Если женихъ понравился невѣстѣ и ея родителямъ, тогда происходитъ *рукобитье*. Женихъ даетъ руку невѣстѣ, отцу ея и матери, зажигаютъ свѣчи передъ иконами и молятся Богу. Потомъ садятъ за столъ жениха съ невѣстой рядомъ, сами садятся и сговариваются, когда будутъ смотрины, потомъ условливаются, чьи должны быть дары,—невѣстины или жениховы; обусуждаютъ, кому что подарить. А женихъ и невѣста во время сговоровъ сидятъ молча.

Послѣ сговора гости уѣзжаютъ и готовятся къ смотринамъ. Водка, закуска, конфекты, орѣхи и пряники отъ жениха. Невѣста и ея родители готовятъ и своего кое чего, собираютъ родню невѣсты и сходятся къ смотринамъ.

3. Смотрины.

Смотрины бываютъ вечеромъ черезъ нѣсколько дней послѣ рукобитья. На смотринахъ поютъ различныя пѣсни. Если невѣста сирота, то поютъ пѣсни сиротскія, а если не сирота, то всегда веселыя.

I.

По травкѣ, по муравкѣ,

По лазоревымъ цвѣточкамъ,

По раскрашеннымъ камешечкамъ,

По калиновымъ мосточкамъ,—

***). Одежды.

Тутъ катлася карета,
Не простая—золотая.
Что во этой, во каретѣ,
Что не князь сидитъ съ княгинюшкой,
Молодецъ съ красною дѣвицей;
Что дѣвушка плачетъ,
Ванюшка унимаетъ:
— Не плачь ты, не плачь, Маша,
Не въ чужіе люди ѣдешь,
Ты отъ батюшки ко свекору,
Отъ родимой ко свекровкѣ;
Что у свекра жить вольнѣ,
У свекровушки нѣжиѣ:
Куда пойдешь—все спросися,
Отколь придешь—все скажися...
— Ужъ и чортъ эта неволя!
А у матушки жить нѣжиѣ,
А у батюшки жить вольнѣ:
Куда пойдешь—не спросися,
Отколь придешь—не скажися.
Что не ленточка то къ стѣнкѣ льнетъ,
Ванюша Машеньку къ сердцу жметъ:
Спрашиваетъ: „ты скажи, Машенька,
Кто тебѣ изъ роду милъ?“
— Ужъ милъ то, милъ мнѣ Ванюшка!

II.

(Сиротская).

Ужъ какъ есть то во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во сиротской то новой горницѣ:
Ужъ кабы былъ у меня родимый батюшка,
То не тѣ то бы были столы ставлены,
Что не тѣ то бы скатерти бранны,
Что не тѣ то бы гости званые.

III.

Полно намъ, ребята, чужо пиво пити;
Не пора ли намъ, ребята, свое заводити.
У насъ солодъ на овинѣ, а хмѣль на тычинѣ,—
На тычинѣ, на тычинѣ—на самой вершинѣ.
Тычинушка къ землѣ гнется, хмѣлинушка вьется:
Опустилась, обломилась на мать сыру-землю.
Не смитайся, не свивайся травка съ повелицей,
Совыкайся, совыкайся молодецъ съ дѣвицей.
Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла;
Она ростомъ невеличка, лицомъ круглолпчка,

Въ обѣ щечки румянички завсегда играютъ,
Холостому, удалому „назолу“ даютъ.

4. Вечерка.

Когда эти пѣсни пропоютъ, всѣ женатые какъ стороннѣе,
такъ и гости удаляются, а остаются только парни и дѣвуш-
ки и справляютъ вечерку въ этотъ же вечеръ; поютъ пѣсни,
ходятъ парами, пляшутъ.

Дѣвушка съ парнемъ ходить, а остальные поютъ:

I.

Болятъ, болятъ моя головушка съ великаго посту;
Проболѣла головушка до самаго мозгу.
Пойду съ горя утоплюся со калинова мосту.
Не топнися, не давися, удалый молодчикъ;
Скъски, скажи, кого любишь?
Люблю Сашу, люблю Машу, Дунюшку—Дуняшу!
Куплю Сашѣ ленту аду, Манѣ голубую.
А Дуняшенькѣ милашѣ шелковый платочекъ!
Я за этотъ за платочекъ поцѣлую сто разочекъ!

(Цѣлуются).

II.

Въ хороводѣ были мы,
Въ хороводѣ были мы,
Были мы, были мы!

Кого надо видѣли,

Видѣли, видѣли,

Сокола молодчика,

Сокола молодчика,

Молодца, молодца!

Соколицу дѣвицу,

Соколицу дѣвицу,

Дѣвицу, дѣвицу!

Встань, дѣвица, подбодрись,

Встань, дѣвица, подбодрись,

Подбодрись, подбодрись!

Кому надо, поклонись,

Поклонись, поклонись!

Хоть немножко протанцуй,

Протанцуй, протанцуй!

Кого любишь поцѣлуй,

Поцѣлуй, поцѣлуй!

Играющіе парень и дѣвушка цѣлуютъ по своему выбору
кого-либо изъ круга: дѣвушка—парня, а парень—дѣвушку.
Слѣдующая игра.

Двое берутъ въ руки палочки и стучаютъ ими, ходятъ по комнатѣ кругомъ, а всё поютъ:

III.

Кони, вы, кони,
Лошади казенны!
Отданы вы, кони,
Барину на службу,
Бѣднымъ на нужду:
Сѣно возити;
Сѣна—до колѣна,
Овса до щепотки,
До самой рѣшетки!

Какъ только это пропоютъ, подходятъ къ какой-нибудь дѣвушкѣ, или къ парню и спрашиваютъ:

IV.

Драгунъ дома,
Драгунъ дома,
Драгунъ дома ли живешь?

При этомъ ударяютъ парня по головѣ и, указывая на какую-либо изъ дѣвушекъ, говорятъ:

— Вотъ тебѣ невѣста, поѣдешь вѣнчаться съ ней?

Пѣсню повторяютъ и снова назначаютъ парнямъ невѣсть, пока не назначатъ всѣмъ. Послѣ этого берутъ скамейку ставить среди пола, а ходившіе вѣтаютъ на скамью такъ: парень на одинъ конецъ скамейки, а дѣвушка—на другой. Къ нимъ подходитъ первая пара и говоритъ:

— Далеко ли поѣхали?

— Вѣнчаться.

— Кого ты берешь?

Стоящій на скамейкѣ называетъ имя и отчество парня изъ подошедшей пары. Затѣмъ, спрашиваютъ дѣвушку:

— Ты за кого идешь?

Та называетъ имя и отчество парня, который съ ней въ парѣ.

Далѣе, тотъ парень, который на скамьѣ, спрашиваетъ:

— По желанію-ли берешь? Не обѣщался-ли другую взять?

Ему отвѣчаютъ, что здѣсь все дѣлается по желанію и другую онъ не обѣщался брать.

Потомъ спрашиваютъ дѣвушку:

— По желанію-ли идешь?—Не обѣщались ли за другого идти?

— Нѣтъ.

Послѣ этого вопроса подошедшая пара прыгаетъ три раза черезъ скамью. Это значитъ, что они повѣнчались;

потомъ цѣлуются и цѣлуютъ тѣхъ , которые стоятъ у скамьи.

Такъ же поступаютъ и слѣдующія пары.

Далѣе поютъ:

V.

Я хожу млада по горницѣ,
По столовой човой свѣтлицѣ.
Я дойду, дойду до умнаго,
Я дойду, дойду-ли до разумнаго,
До удала добра молодца.
Я дойду ли до умной,
Я дойду ли до разумной,
До души до красной дѣвицы.
Ты пожалуй-ка, умный мой,
Ты пожалуй-ка, разумный мой,
Со правой руки колечушко,
Со любимаго мизинчаку.

Во время этой пѣсни всѣ ходятъ парами и самую пѣсню поютъ для каждой пары отдѣльно. Та пара, которая ходитъ, мѣняется съ другими кольцомъ или чѣмъ другимъ. Когда всѣ перемѣняются, то начинаютъ дѣвушки подводить дѣвушку къ парню и пѣть:

VI.

Не даютъ дары безъ выкупа,
Безъ удала добра молодца (*имя*);
Не даютъ дары безъ выкупа,
Безъ души безъ красной дѣвицы. (*имя*).

Та дѣвушка, которую подвели, вѣщаетъ на одно колѣно и цѣлуетъ парня. Тѣ же, которые подвели дѣвушку, только цѣлуютъ парня, къ которому подвели дѣвушку. Такъ продолжаютъ игру до тѣхъ поръ, пока переходятъ всѣхъ дѣвушекъ. Поютъ много и другихъ пѣсней *вечерочныхъ*.

5. Проводы жениха съ вечерки.

Когда вечерка кончится, то провожаютъ жениха до кватиръ съ пѣснями, но ужъ съ такими, какія придуть въ голову.

I.

Я вечеръ своево милого—милого
Провожала за лѣсокъ,
Провожала—увѣряла,
Увѣряла злодѣюшкой ругала:
Ты, реззукинъ сытъ, мальчишка,
Что ты слѣлалъ надо мной,

Ты разсыпалъ жарь по сердцу, да сердцу
Знать, по бѣлому лицу.
Мое личико сгорѣло, все сгорѣло,
Рюмянички съ лица сплыли.
Я умоюся ведеоу, водою холодною,
Утрусь шалевымъ платочкомъ,
А не тѣмъ платкомъ утруся:
Платокъ миленькій купишь;
Подарить милый подарокъ,
Подарилъ мнѣ дорогой—
Съ руки перстень золотой;
Не хочу перетя носитьъ,
Хочу такъ дружка любить!

II.

Аленькій цвѣточекъ,
Зачѣмъ скоро сповялъ;
Мой миленькій хорошій
Зачѣмъ рано отсталъ?
Не разъ я говорила,
Не два, голубчикъ мой:
Спокойнъ связу досаду,
Побудь, хоть часъ, со мной.
А ты, какъ вѣтеръ въ полѣ,
Одно свое твердишь.
Съ моею несчастной долею
Смѣешься и грозишь.

III.

Хороша наша деревня,
Только улица грязна.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Вотъ худа, худа, худа,
Не годится никуда!
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Мы не воры, не плуты,
Не разбойнички!
Это правда, это правда,
Это правда все была!

Мы ночные, мы ночные,
Рыболовнички!
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Ужь мы рыбушку ловили
Не по днямъ, а по часамъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Не по днямъ, не по часамъ—
По сухимъ по берегамъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ,
По дубовымъ сундукамъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Какъ у дялюшки Петра,
Мы поймали осетра,
Сивогривую кобылу,
Вороного жеребца.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
Мы поймали сорокъ штукъ,
Изъ котерыхъ шубу шьютъ.
Это правда, это правда,
Это правда все была!
А у тетюшки Арины.
Въ сундукахъ все перерыли.
Это правда, это правда,
Это правда все была!

IV.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
По канавкѣ, по канавкѣ росла травка.
Росла травка, росла гравка,
Росла травка шелковая,
Шелковая, зеленая, муравая.
Я не въ три косы косила, въ одну косу,
Въ одну косу на три круга,
На три круга, на три круга ради друга,
Ради друга, ради гостя, гостя дорогого
Своего милого!

Эту пѣсню поютъ послѣдней передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ. Всѣ входятъ въ домъ, прощаются; невѣста и дѣвушки уходятъ, а женихъ остается.

6. Приглашенный столъ.

Утромъ ѣдутъ къ невѣстѣ опохмѣляться тѣ изъ гостей,
которые были на смотринахъ. Сваха жениха приходитъ со
своимъ виномъ и угощаетъ гостей, сама поетъ пѣсню.

I.

Невѣстушка, встань.
Голубушка, встань!
Невѣстка встаетъ.
Попыхиваетъ, повздыхиваетъ:
Чортова семья несогласная
Все рано встаетъ,
Мнѣ спать не даетъ!

А гости поютъ:

II.

Не шатайся, не валяйся,
Во полюшкѣ травка.
Охъ, да не тоскуй-ка, не горюй-ка
По молодцу, красна дѣвица.
Не одной то мнѣ, красной дѣвушкѣ,
Горе достается.
Доставалось мнѣ горюшко-кручина
Съ удалымъ молодцомъ, съ молодымъ гусаромъ.
Что во городѣ было Парижѣ,
Гусары стояли,
То не множка то они,—не маленько,—
Ровно тридцать три годочка
И четыре денечка.
Что на пятый то денечекъ
Гусарикъ стосковался,
Стосковался онъ и сгоревался
Не по батюшкѣ онъ,
Не по матушкѣ—
По своей сударушкѣ,
По своей дальней сторонушкѣ.
Со своей-то дальней сторонушки
Долго вѣсти все нѣту!

III.

Ты гуляй-ка, моя дочь,
Во всю темну ночь.
Я не буду унимать,
Сама буду потакать.
Я сама така была,
Въ дѣвушкахъ гуляла,
Себѣ дружка нажила,

Себѣ дружка нажила—
Иванушка сокола!
Иванушка, соколъ мой,
Поглянулся разумъ твой,
Весь обычай дорогой,
Весь обычай дорогой.
За Самаромъ за рѣкой,
За Самаромъ за рѣкой
Иванъ сѣно косить,
Иванушка сѣно косить,
Оринушка воду носить.
Иванушка припотѣлъ,
Пешить воду захотѣлъ.
Оринушка удала,
Пешить Ванѣ подала,
Пешить Ванѣ подала,
Разговоры завела,
Разговоры завела,
Разговаривала.

Поютъ нѣсколько разъ слѣдующую пѣсню:

IV.

Баба пьяна напилась,
Во солдаты нанялась,
Не берутъ ее въ солдаты,
У ней волосы косматы.

(Окончаніе будетъ).

М. Овчинниковъ.

ЗАМѢТКИ.

Къ положенію въ Сибири, поляковъ, ссыльных повстанцевъ 1863 года. Секретно Отцу Благочинному священнику (имя рекъ).

Получено мною свѣдѣніе, якобы нѣкоторые священники дозволяютъ себѣ приглашать подитическихъ преступниковъ въ свои дома, для обученія дѣтей своихъ.

Предписываю:

Первое. Духовнымъ лицамъ немедленно прекратить приглашеніе преступниковъ въ свои дома для обученія дѣтей.

Второе. Меня извѣстить: кто именно изъ духовныхъ пригласилъ преступника къ обученію дѣтей своихъ?

Третье. Неизвѣстно-ли священнику прихода, что въ его приходѣ преступники обучаютъ дѣтей ихъ прихожанъ.

Если бы сіе гдѣ было: то пастырски и въ духѣ кротости посовѣтовать сіе опасное порученіе прекратить, и объ успѣхѣ внушенія своего меня извѣстить. Февраля, 25 дня

1865 года № 10. На подлинномъ подписано: *Никодимъ,*
Епископъ Енисейскій.

Сообщилъ *А. Савельевъ.*

* * *

О предосудительныхъ противозаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ во время служенія и внѣ оного духовными лицами и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію.

1. Кіевской Епархіи.
2. Тобольской Епархіи.

Семипалатинскаго вѣдомства, Усть-Каменогорской крѣпости священникъ Семіонъ Пушкаревъ во время вѣчанія 8 генваря 1817 года товарищемъ его священникомъ Николаемъ Пушкаревымъ брака, по приходѣ въ церковь, взялъ съ надлежащаго мѣста наложу со святымъ Евангеліемъ и крестомъ, срывалъ со священника Николая ризы. То помѣшательство въ совершеніи брака, за каковыя поступки, по рѣшенію Бійскаго Уѣзднаго Суда, оштрафованъ онъ, Пушкаревъ, взысканіемъ въ пользу Приказа общественнаго Пріорія 25-ти рублей.

3. Ярославской Епархіи.
4. Тверской „ „
5. Черниговской „ „
6. Нижегородской „ „
7. Владимирской „ „
8. Вологодской „ „
9. Тульской „ „
10. Вятской „ „
11. Иркутской Епархіи.

Верхнеудинскаго уѣзда, Селенгинской Покровской церкви священникъ Іоаннъ Преловскій 5-го февраля 1819 года во время вѣчанія священникомъ Шайдуровымъ брака, пришедъ въ церковь въ пьяномъ видѣ, усиленно взялъ лежащій на наложу подлѣ Евангелія крестъ, называлъ священника Шайдурова воромъ и сводникомъ и ударилъ брата своего пономаря Дмитрія Преловскаго и отставнаго цейхдинера, — перваго въ зубы, а послѣдняго въ лицо. За каковыя поступки онъ, Преловскій, по рѣшенію Иркутской Палаты Уголовнаго Суда, утвержденному сибирскимъ Генераль-Губернаторомъ, лишень священства и отосланъ въ гражданское вѣдомство для записки его въ нижній классъ городскихъ жителей или по способности къ опредѣленію въ число канцелярскихъ служителей.

12. Пензенской Епархіи.

Оглашается между всѣмъ духовенствомъ въ страхъ и опашеніе отъ подобныхъ преступленій.

Печатанъ въ Санктпетербургской Синодальной Типографіи. 1820 года.

Сообщилъ А. Савельевъ.

* *

Японцы въ Сибири въ XVIII столѣтіи. Въ токійскомъ правительственномъ архивѣ имѣются свѣдѣнія о четырехъ случаяхъ пребыванія японцевъ въ Сибири въ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что впервые японцы попадаютъ въ Сибирь въ 1753 году, когда 16 японскихъ моряковъ, подъ начальствомъ Такеучи Токусей, были занесены бурей къ берегамъ Камчатки.

Изъ Камчатки морякамъ удалось добраться до Иркутска; не имѣя средствъ на возвращеніе обратно въ Японію, всѣ они прожили въ Иркутскѣ до самой смерти.

Второй разъ, 17 японскихъ моряковъ, подъ начальствомъ капитана Кидого, въ 1781 году пробрались изъ Камчатки черезъ Охотскъ, Якутскъ и Иркутскъ въ Петербургъ, гдѣ были милостиво приняты Императрицей Екатериной II.

Изъ Петербурга японцы, по повелѣнію Императрицы, въ сопровожденіи назначеннаго для этой цѣли Адама Раксмана черезъ Сибирь вернулись въ портъ Немуро на островѣ Хоккайдо (Иezo) въ Японію, проблуждавъ на чужбинѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ.

Третій случай—команда паруснаго судна „Вакамія Мару“, подъ командой капитана Цурога, была занесена бурей, въ ноябрѣ 1793 года, на одинъ изъ острововъ въ Беринговомъ морѣ.

Съ большими приключеніями эти японцы добрались до Якутска, оттуда ихъ доставили въ Иркутскъ, гдѣ они и прожили 8 лѣтъ.

Между прочимъ, одинъ изъ японцевъ велъ дневникъ, въ которомъ онъ сообщаетъ, что въ Иркутскѣ во время его пребыванія было до 3000 домовъ.

Изъ Иркутска въ маѣ 1803 г. по повелѣнію Имп. Александра I японцы были привезены сначала въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ японцевъ доставили во дворецъ, гдѣ ихъ милостиво удостоили разспросами Императоръ и Императрица.

Проживъ довольно долго въ Петербургѣ, одна часть японцевъ вернулась обратно въ Японію на средства, отпущенныя Самимъ Государемъ, другая навсегда осталась въ Петербургѣ.

Наконецъ, въ 1812 году, моряки, подъ командой капитана Кизаэмана, прожили четыре года въ Сибири, бродя между поселеніями на Камчаткѣ и Охотскомъ.

Въ 1816 году эти японцы возвратились на островъ Этэровъ въ группѣ Курильскихъ острововъ, принадлежавшій тогда Японіи.

Интересно отмѣтить, что по возвращеніи изъ Россіи японцевъ, японское правительство заставляло ихъ писать подробные отчеты о томъ, что они видѣли въ Россіи, какъ съ ними обращались на чужбинѣ.

Самый подробный отчетъ о своемъ пребываніи въ Россіи дала группа японцевъ, испавшая въ Россію подъ командой капитана Цудого.

Объ Иркутскѣ въ этомъ отчетѣ болѣе 10 страницъ.

Много въ отчетѣ отвѣдено мѣста также описанію тогдашней придворной жизни въ Петербургѣ и впечатлѣніямъ японцевъ, вынесеннымъ отъ аудіенціи у Императора Александра I.

Петръ Че — нъ.

* *
*

Изъ бурятскихъ народныхъ сказаній. 1. *Преданіе о происхожденіи семи чернорудскихъ бурятскихъ родовъ.*

Около того мѣста, гдѣ впоследствии возникъ г. Иркутскъ, жила вдова бурятка, у которой было два сына: Хындылгырь и новорожденный, названный впоследствии Чоно. Будучи очень бѣдной и не имѣя возможности прокормить двоихъ дѣтей, она новорожденнаго отнесла въ лѣсъ и положила въ волчью нору къ волчатамъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Старшій сынъ бурятки, охотясь въ лѣсу, встрѣтилъ въ волчьей стаѣ мальчика, который убѣжалъ вмѣстѣ съ волками. Хындылгырь рассказалъ объ этой встрѣчѣ своей матери, которая открылась ему, рассказавъ, что встрѣченный имъ мальчикъ его братъ, котораго она младенцемъ отнесла въ лѣсъ въ волчью нору и котораго волчица выкормила съ волчатами и просила какъ-нибудь его поймать. Хындылгырь нѣсколько разъ ѣздилъ въ лѣсъ и, наконецъ, поймалъ брата, привезъ его домой и назвалъ его Чоно, т. е. волкъ. Когда Чоно выросъ, то отбѣжился отъ брата и переселился на Лену. Отъ его семи сыновей произошли семь чернорудскихъ р.

довь, правильнѣе чонорудскихъ. Въ Ангинскомъ вѣдомствѣ находятся 2, 4 и 5 роды.

2. *Преданіе о гибели мамонта.* Въ старину на землѣ жилъ огромный звѣрь мамонтъ. Онъ былъ до того великъ и тяжель, что когда шелъ, то оставлялъ въ землѣ большія углубленія. По тѣмъ тропамъ, гдѣ онъ обыкновенно ходилъ, теперь текутъ рѣки Лена и Киренга. Во время потопа, когда вся земля была покрыта водой, мамонтъ ходилъ въ водѣ, которая покрывала его тѣло, надъ водою возвышалась лишь одна голова. Всѣ деревья до вершинъ были въ водѣ и птицамъ негдѣ было отдохнуть и онѣ для отдыха садились ему на голову. Онъ махалъ головой и тѣмъ ихъ сгонялъ, но онѣ, полетавъ, опять садились ему на голову и ему приходилось безпрестанно махать головой, чтобы избавиться отъ нихъ и въ концѣ концовъ онъ до того измучился, что погрузился въ воду и утонулъ. Съ тѣхъ поръ на землѣ не стало мамонта.

3. *Отчего бываетъ гроза.* Ухудьлу иногда приходитъ фантазія подразнить Бурхана и онъ начинаетъ передъ нимъ кривляться, высовывать языкъ, кажетъ кукишки. Разгнѣванный богъ начинаетъ гоняться за нимъ и метать въ него огненные стрѣлы—отъ этого и бываютъ молнія и громъ. Чтобы скрыться отъ разгнѣваннаго брата, ухудль прячется куда попало: въ юрту, въ челоуѣкка, въ скотину и тогда огненная стрѣла поражаетъ тотъ предметъ, куда онъ спрятался: Въ юртѣ, разбитой грозой, буряты уже не живутъ и оставляютъ ее гнить; ее нельзя ни продать, ни на дрова испилить.

Кто изобрѣлъ мельницу. Въ старину люди не знали, какъ молоть хлѣбъ и ѣли его зернами. Чутхуръ (чертъ) построилъ мельницу и на ней молотъ землю. Бурханъ видѣлъ, что изобрѣтеніе чутхура полезно для людей и просилъ его отдать мельницу, но зловредный духъ не соглашался. Тогда Бурханъ сдѣлалъ хуръ (музыкальный инструментъ) и сталъ на немъ играть. У чутхура явилось сильное желаніе поиграть на хурѣ, но Бурханъ ему хура не давалъ, а предложилъ смѣнять его на мельницу, чутхуръ согласился,—получилъ хуръ и отдалъ въ обмѣнъ мельницу, которую Бурханъ передалъ людямъ и научилъ молоть на ней хлѣбъ.

Изъ. Любимовъ.

* *

Новый изслѣдователь Центральной Азіи. Въ началѣ іюня мѣсяца сего года по желѣзной дорогѣ черезъ городъ Иркутскъ во Владивостокъ, а оттуда на пароходѣ въ Япо-

вію, прослѣдовалъ новый изслѣдователь Центральной Азіи буддійскій бонза Тачибана Зуйціо.

Пять лѣтъ тому назадъ, въ августѣ 1908 года, буддійское духовенство предложило Тачибана Зуйціо по намѣченному имъ маршруту отправиться въ Центральную Азію и обследовать тѣ мѣстности, которыя до сего времени не посѣщались изслѣдователями и представляют terra incognita.

Деньги на экспедицію отпускались богатымъ японскимъ буддійскимъ монастыремъ Хонга-Хонгандзи.

Т. Зуйціо охотно принялъ предложеніе буддійскаго духовенства и выѣхалъ изъ Японіи.

Добравшись до Омска и захвативъ здѣсь все необходимое для своихъ долгихъ странствованій, Т. Зуйціо переходитъ русскую границу и попадаетъ въ китайскія владѣнія.

Въ китайскомъ костюмѣ Т. Зуйціо свободно переваливаетъ черезъ Тянь-Шанскій хребетъ и проникаетъ въ Восточный Туркестанъ, гдѣ занимается изслѣдованіемъ пещерныхъ китайскихъ городовъ.

Здѣсь же онъ производитъ многочисленныя раскопки и находитъ въ землѣ массу цѣнной старинной китайской утвари и разныхъ памятниковъ старины.

Здѣсь же Тачибана Зуйціо изслѣдуетъ устья многихъ рѣкъ, теряющихся въ пескахъ.

Странствованіе по Восточному Туркестану было не изъ легкихъ: отважный изслѣдователь потерялъ здѣсь почти всѣхъ своихъ верблюдовъ, перенесъ немалыя лишенія и страданія, питаясь испорченной провизіей и утоляя свою жажду гнилой болотной водой.

Изъ Восточнаго Туркестана Т. З. попадаетъ въ китайскую провинцію Или, пограничную съ нашими Средне-Азіатскими владѣніями.

Окончивъ изслѣдованія этой провинціи, путешественникъ возвращается обратно въ В. Туркестанъ, перерѣзываетъ его съ запада на востокъ и съ опасностью для своей жизни безстрашно проходитъ великую пустыню Гоби или Шамо и достигаетъ восточныхъ отроговъ Куэнь-Лунскаго хребта.

Здѣсь свои изслѣдованія Тачибана Зуйціо производитъ вплоть до Великой Китайской стѣны.

Обратный путь Т. З. совершаетъ по Куэнь-Лунскому хребту, слѣдуя съ востока на западъ.

На обратномъ пути изслѣдователь снова заглядываетъ въ Восточный Туркестанъ, откуда спускается внизъ по теченію

рѣки Пртыша въ русскія владѣнія и въ концѣ-концовъ попадетъ въ пунктъ своего отправленія въ г. Омскъ.

Подвергая себя всевозможнымъ лишеніямъ и опасностямъ, храбрый, еще молодой (ему теперь 26 лѣтъ), буддійскій бенза смогъ добиться своего: изслѣдовать тѣ самыя мѣста Центральной Азіи, которыя до сихъ поръ остаются на картахъ бѣлыми и въ которыя не мечтали попасть даже такіе всемірно извѣстные изслѣдователи Азіи, какъ Свенъ Гединъ.

За свое пятилѣтнее странствованіе Т. З. смогъ собрать многочисленныя матеріалы по географіи и этнографіи края и по исторіи буддизма. Кромѣ того, ему удалось сдѣлать до 200 интересныхъ фотографическихъ снимковъ и вывезти изъ изслѣдованныхъ имъ странъ много найденныхъ при раскопкахъ „мертвыхъ городов“ памятниковъ старины.

Во время всего своего пути Т. З. велъ дневникъ.

Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ японскихъ газетъ, Т. З. живетъ въ г. Осака, гдѣ приводитъ въ порядокъ собранныя имъ во время путешествій матеріалы, которые въ самомъ недалекомъ будущемъ будутъ опубликованы въ японской прессѣ.

Петръ Чечинъ.

Открыта подписка на 1912 г.

(годъ изданія I)

НА БОЛЬШУЮ ПРОГРЕССИВНУЮ

ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЯ ВѢСТИ“

выходящую въ Иркутскѣ ежедневно
кромѣ понедѣльниковъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. Ангарскій (В. В. Леопольвичъ), Т. Белоусовъ, Ст. Вайдаловъ, Бѣлинъ, Г. М. Б.-въ, В. В. Воловцовъ, М. До-овъ, А. Донцкій, Исаакъ Г., Дм. Измистій, Евгений Колосовъ, Николай Катинъ, С. Крайскій, Ф. Лебедевъ, Маркъ Оичъ, В. Простый, Скальдъ, А. Худаловъ, Г. Цинговатовъ, Владимиръ Черновъ, Л. Ц. и многіе другіе.

Газета будетъ удѣлять особое вниманіе областному отдѣлу вопросовъ землеустройства, переселенія и земскаго и городского самоуправления.

Газета имѣетъ своихъ корреспондентовъ по Сибири, Европейской Россіи и за границей.

Подписная цѣна:

На 1 годъ	7 р. — к.
1/2 „	3 р. 50 к.
3 мѣс.	2 р. — к.
1 „	1 р. — к.

За границу 1 годъ 12 руб. 3 мѣсяца 5 руб.

2 года 7 руб. 1 мѣсяць 2 руб.

Адресъ редакціи и конторы:

Иркутскъ, уголъ 3-й Солдатской и Большой ул.,
д. № 20, Юдловскаго, питебумажный магазинъ
и типъ Т-ва „М. П. Окуневъ и К^о“

Издательница К. П. Окунева.

Редакторъ П. А. Чепаловъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ежемѣсячный журналъ
„Сибирскій Архивъ“.

Журналъ посвященъ вопросамъ археологій, исторіи и
этнографіи Сибири.

Подписная цѣна: на годъ 5 рублей, на полгода 3 р. на
3 мѣсяца 1 р. 50 к. Отдѣльная книжка 50 к. Городская
подписка принимается въ магаз. М. П. Окунева на Большой
ул.; тамъ же розничная продажа № № и въ книжномъ ма-
газинѣ Макушина.

Изгородняя подписка направляется по адресу: г. Пр-
кутскъ. Преподавателю Учительскаго Института А. Линь-
кову.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно съ ноября 1911 г.

Телефонъ Редактора № 1028.

№ 12-ый выйдетъ 20 ноября с. г.

Редакторъ-издатель Д. Линьковъ.